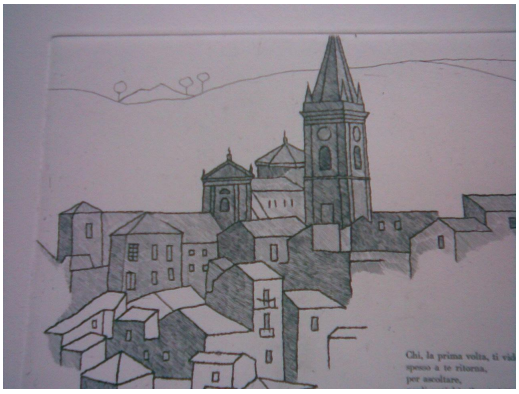
CONCETTA LA MAZZA

За голубым небом

биография

Кончетта Ла Мацца родилась в Новара-ди-Сицилия в 1936 году и была старшей дочерью Доменико Ла Мацца и Терезы Корренти. В 1950 году, после болезненного периода "доверенности" своей тете по материнской линии, она присоединилась к своим родителям в Домодоссоле, где до сих пор проживает вместе со своим мужем Джузеппе. У него трое детей: Армандо, Лучано и Даниэла. В последнее время непреодолимое желание вспомнить свое детство в Новаре закралось в его разум, и вот рождение этого интимного, личного дневника, но полного анекдотов и отсылок к окружающей среде той эпохи: городу, деревне, людям, привычкам, традиции этой территории в мрачные годы Второй мировой войны.

Первобытная энергия письма



Маленькая Кончетта доверена своим дядям и против воли вынуждена жить в Кастрандже в лачуге вдали от города и своих товарищей. Так он проходит свой личный Виа Крестис в одиночестве в тяжелые годы войны между голодом, невежеством времени, суевериями и жестоким обращением. После войны неизбежная эмиграция и естественно тяжелое начало на севере.

Все это рассказывается глазами маленькой девочки, которая пересматривает в памяти этапы своего взросления и которая с удивительной свежестью и тонкой иронией возвращает нам удовольствие от прочтения, наконец, символической истории нашей семейной общины, способны глубоко тронуть нас, и это принадлежит каждому из нас.

В этом коротком романе Кончетты Ла Мацца письмо ниспровергает все правила и возвращается к своим истокам, свободное от всякого формального схематизма, движимое таинственной внутренней жизненной силой, оно становится бушующей рекой, заливающей все, проливным дождем души.

Запоминаются фигуры дядюшек, Антонии и Микеле, так же как и образ Новары остается таким же щедрым, обволакивающим и сладким, сколь резким и жестким.

Наконец, трудный переход в подростковый возраст, когда случается непоправимое, но маленькая Кончетта не сдается трагической судьбе, благодаря своему мужеству и непоколебимой надежде на будущее, благодаря своим глазам, сумевшим заглянуть... за пределы неба. синий!

NINO BELVEDERE

"Для меня началось испытание. День, наверное, был жаркий, начиналось лето 1938 года, мне было два годика, и за мной приехала тетя. В тканевый мешочек она положила блузку и две пары трусиков, после чего, ничего не подозревая, я вышла из дома. Я был так мал, что не мог понять, что мой Виа Крусис начнется в этот день".

За голубым небом

Глава первая - Отчий дом

Сейчас это старые необитаемые развалины, задушенные паутиной и изъеденные молью, но давным-давно в Новаре, городке, лежавшем под величественной крепостью в Мессинских горах, в переулке района Энгиа стоял дом около фонтан. Входная дверь открывалась на внутреннюю лестницу, которая вела на второй этаж, где находилась небольшая комната с деревянной доской: это была спальня. Вы поднялись наверх, а там была кухня, если ее можно так назвать. В одном углу стояла каменная плита, на которой зажигали огонь, и железная тренога, на которой держалась кастрюля с макаронами. Напротив, на черной, как смоль,

стене висит деревянная лопата, два сита, маленькое и одно большое, печь для выпечки хлеба, в стороне полусгнивший сундук, стол, два "фуррицци" и какой-то покосившийся стул. Наконец была комната с небольшим балконом, выходящим на переулок, где стояла только односпальная кровать. Этой дырой было царство, где жил его дед, овдовевший в 1934 г. Под лестницей устроили каменный сортир с деревянной крышкой. Поскольку канализации нет, последняя, должно быть, служила для смягчения испускаемого зловония. Естественно, в доме не было водопровода и электричества, удобств, которых не было в те времена даже у баронов. Рядом были деревянные ворота, которые вели в балку, где куры сидели на дровах.

В этом углу, не от мира сего, моя мать, швея, жила вместе с дедушкой, двумя братьями и сестрой, все старше ее, женатыми и тоже жили в Новаре. Мать моя была белокурая, худенькая, очень хрупкого телосложения, с очень тонкими чертами лица, и что всего примечательнее в ее белом, как молоко, лице, были два больших голубых глаза, почти всегда испуганные и грустные. Возможно, внезапная смерть ее матери, когда ей было двадцать четыре года, была причиной ее физической и моральной слабости.

Через несколько лет после смерти моей бабушки моя мать, благодаря вмешательству одной из своих крестных, встретила своего очаровательного принца. Мой отец принадлежал к знатному роду из Бадьявеккья, у которого была таверна с табачной лавкой и продуктами. Это была семья работяг, а отец был мужчиной, по всем отзывам, очень красивым, высоким, темноволосым, самоуверенным и предприимчивым. Жил он в хуторе далеко от города: пешком, в хорошем темпе, пришел за полчаса. Его отец

возил уголь. Мать была энергичной женщиной, утром она отправилась на муле в Новару, чтобы купить продукты, которые она поставляла в магазин: табак, соль и съестные припасы. Он всегда элегантно одевался с большой черной шалью на шее, а также покупал газету, чтобы информировать клиентов. Это был единственный магазин в селении, и благополучие в этом доме, хотя кормить было восемь ртов, не было недостатка.

Поздно вечером он демонстративно помогал своим уже подвыпившим посетителям и своему кошельку, разбавляя вино цветной содовой. Поскольку дети не всегда наследуют работу своих родителей, мой отец научился сапожному ремеслу. После помолвки, длившейся несколько месяцев, отец и мать, поженившись, отправились свить свое любовное гнездышко в доме у фонтана в районе Энгиа. Ровно через девять месяцев я появился на свет и, согласно священному южному обычаю, был назван в честь моей бабушки по отцовской линии Кончеттой. Несмотря на мой нежный возраст, у меня была темная и морщинистая кожа, я постоянно плакала. Дедушка, так как у нас не было колыбели, был вынужден целый день укачивать меня на руках, а ночью я спала на большой кровати с папой и мамой. По общему мнению, я был очень уродливым и невыносимым. Несколько месяцев спустя, так как работы в деревне было мало, мой отец решил поехать работать на Сардинию. Когда он уехал на другой остров, он оставил свою мать с плачущим младенцем и еще одним брыкающимся существом в ее чреве.

Когда мне было двадцать месяцев, родилась моя сестра Роза. Имя было от бабушки по материнской линии. В отличие от Кончетты, Роза - опять же по словам моей матери - была

красивой, с бело-розовым цветом лица, каштановыми волосами, обрамлявшими гармоничное лицо, украшенное двумя прекрасными голубыми глазами: цветок, как и ее имя! Настолько, что, когда моя мама пошла к фонтану за водой с Розой на руках, друзья спросили ее, как можно было родить двух совершенно разных дочерей. - Chista cà, Rusina, sì ch'ievi billicchia, ma l'autra... - Вот эта, Розина, да красивая, а вот другая... с гримасой сказали друзья. Между тем в этой обстановке я продолжал чувствовать себя неловко, как бы предчувствуя свое испытание, которое, слава Богу, я вынес, хотя и не со смирением.

Чтобы рассказать остальную часть истории, во-первых, я должен познакомить вас с моей тетей Антонией, короче говоря, zì 'Ntuoia. Она была старшей сестрой моей матери, между ними было семнадцать лет разницы. Это была невысокая полная женщина с грязными волосами, падающими на глаза. Его заброшенное лицо выглядело старше, чем он был на самом деле, и в его пустом взгляде было столько унижения. В возрасте двадцати лет, тогда еще брачного возраста, она вышла замуж за своего двоюродного брата, только что вернувшегося с работы в туннеле Семпионе, овдовевшего и имевшего трехлетнего сына. Этот человек, мой дядя Микеле, зи Мичери, был невысокого роста и выглядел как плебейская копия короля Витторио Эмануэле III, он жил в принадлежащем ему доме на улице города, которая была очень характерна для ступеней шириной почти два метра.. Это был красивый дом. На первом этаже находилась столярная мастерская с большим центральным прилавком с тисками, двумя стенными шкафами, где он хранил рашпили, стамески, буравчики, долото и сверла, токарный станок для закругления ножек изготовленных им

столов, станок для заточки рубанков и лезвия, дровяная печь с кастрюлей для разжижения клея, доски, наваленные повсюду, несколько пил, прикрепленных к стене, несколько талисманов, таких как подковы, козьи рога и черепашьи шкуры, короче говоря, одно из тех мест, которые теперь они принадлежат только миру воспоминаний.

Деревянная лестница вела на второй этаж, где были две просторные комнаты с керамической плиткой, роскошь в те времена, буфет, сделанный моим дядей, диван, стол и несколько стульев, плетеных из рафии, своего рода растительной веревки. С балкона, выходящего на улицу, в середине августа, когда процессия Успения поднималась к аббатству, можно было прикоснуться рукой к коронованной голове Мадонны. С другой стороны, со второго этажа был виден Рокка Сальватеста, а напротив, через щель между домами, можно было любоваться великолепным пейзажем гор, которые постепенно уходили за пределы голубого неба, пока не достигали моря, где, особенно в прохладные весенние дни, когда не было тумана, на краю горизонта можно было увидеть Вулкан, а затем Липари, Стромболи и все остальные острова: природное зрелище, сверкающая разноцветная открытка.

Другая лестница вела на второй этаж, где находились кухня и спальня, причем первая была очень просторна и оборудована дровяной печью для хлеба и чугунной угольной печью для приготовления пищи. Это был, несомненно, красивый дом, если не считать неудобства кухни без раковины со сливом для выполнения более важных домашних дел. В те времена некоторые удобства были еще немыслимы. На самом деле воду из общественного фонтана набирали в цинковой кварте, а затем доставляли на второй

этаж, где ее наливали в большой терракотовый таз для мытья посуды. Поскольку стока из раковины не было, вода из тазика возвращалась на первый этаж и спускалась в унитаз. Для женщины это была очень утомительная работа. Рабское и унизительное состояние, на пределе всякого человеческого терпения, достигло апогея во время обеда, когда тете Антонии из уважения к мужу пришлось есть из той же тарелки, где он ел прежде, и, быть может, крестник повторил то же самое, но у меня нет определенных воспоминаний об этом.

Дядя Мишель был человек угрюмый и угрюмый, настолько же рабочий, насколько и дурак, вместо сердца у него был молоток из песчаника. В его глазах я никогда не видел проблеска нежности или сострадания к другим. Она изолировала свою тетю дома, чтобы она присматривала за сыном, ей приходилось готовить еду, быть его прислугой и всегда говорить да, да, да. Он даже не мог выглянуть на балкон, а то беда, а почти каждый вечер после работы ходил в кабак с друзьями выпить.

Он приходил домой шатаясь, весь в поту и с вонючим дыханием, рядом с которым было невозможно находиться. Вместо этого моя тетя у масляного фонаря ждала его до поздней ночи, даже не поев. Когда маленький король возвращался - у него часто не было сил даже подняться по лестнице - обессиленный, он бросался на пыльный верстак и оставался там всю ночь, чтобы протрезветь. Несмотря ни на что, тетя Антония накрыла его пальто и любовно села рядом с ним, чтобы присматривать за ним до утра. Так прошли годы, и в обмен на такую преданность она не могла даже навестить своих родственников, чтобы избежать сцен. Он, ревнивый, мелочный и властный, пошел купить ей нитки для

штопки, гребни, заколки и другие вещи, чтобы не дать ей выйти из дома. Когда их пригласили на свадебную церемонию, дядя Микеле не возвращался домой до последнего момента, а тетя Антония не могла идти одна, пока родственникам не удалось разыскать ее мужа. Время от времени им удавалось его переубедить, в других случаях он приходил вовремя, но затем, посреди вечеринки, исчезал, и тетя Антония, разочарованная и недовольная, возвращалась домой, вся могия могия. Со временем она накопила горечь и грусть, не в силах ни на кого излить себя из-за изоляции, ее мучили ужасные головные и зубные боли, которые мучили ее целые недели.

Однажды сосед, такой добрый и благочестивый, позвонил Зио Микеле и упрекнул его за все жестокое обращение, которое он причинил своей жене: - Вам должно быть стыдно, - кричала она на него, - заставляя такую женщину страдать... Антонии нужно подышать воздухом, ее не нужно изолировать дома, она должна выйти, сходить к обедне, сходить к родственникам, как это делают все христиане. Прежде всего, ей надо гулять, только так уйдет головная боль... - соседка сделала небольшую передышку, потом продолжила: - меньше часа отсюда, по тропе мулов, у нас есть земля. и очень скромный домик с кухней под крышей и еще одной слегка сырой комнатой, которую можно использовать как спальню летом. В этой земле растут фундук, инжир, мандарины, мушмула, виноград, зиццоле, яблоки, груши, оливки, словом, все хорошее.

Как вы знаете, после смерти моего брата я должен присматривать за своей тетей, и я больше не могу заниматься сельским хозяйством, поэтому я подумал о том, чтобы продать его. Почему бы вам не купить его? Чтобы

ваша жена могла дышать свежим воздухом... Дядя Мишель поначалу колебался, но потом пошел к ней в гости и даже уговорил себя купить. За короткое время договор был заключен, и имущество перешло к нему. Так, двойник Витторио Эмануэле III, все более проницательный и коварный, предложил тете Антонии: - Ты научишься собирать фиги и сушить их. Когда вам нужно постирать одежду, вы пойдете к реке и получите воду, необходимую для питья и приготовления пищи, выкопав яму в песке, чтобы очистить ее Мы могли бы уйти на пенсию, чтобы жить в деревне: я буду работать плотник для семей, живущих в близлежащих деревнях Сан-Базилио, Валланкацца, Бадьявеккья и Пьяно-Винья. Зимой будет некомфортно, когда река набухнет от воды, но я преодолею это препятствие. Вы, с другой стороны, сможете насладиться сельской местностью. Опустив взор, тетя Антония еще раз сделала так, как ей было велено: - Cuomu tu voi, eu fazzu... - Как хочешь, так и сделаю, - послушно ответила бедняжка.

Глава вторая - Не от мира сего

Ранней весной 1936 года бедная женщина и дядя Мичери переехали в Кастранджу, в сельскую местность, недалеко от русла ручья. В разных деревушках Бадьявеккья, Сан-Базилио и Валланкацца распространился слух, что он в любом случае доступен, и люди звали его на работу. В те времена существовал обычай, хотя сегодня это может показаться странным, что когда им нужен был стол, окно, дверь или платяной шкаф, они звали плотника и принимали его в своем доме: импровизировали верстак и давали необходимая древесина. Дядя Мишель принес инструменты и остался на месте, пока работа не была завершена.

Позвали его срубить дерево и оставили сохнуть на пару лет. Затем ствол дерева крепился к стене. Плотник держал пилу сверху, а помощник снизу: "Serra serra mastro dascio che dumŁ fagimmo a cascia" (Пила увидела, о великий мастер, что завтра мы будем делать сундук).

Ствол дерева крепился к стене. Огромной пилой они добыли столы и из них соорудили окна, кровати, шкафы. Для выполнения этой работы он вставал в 4 и шел со своим рюкзаком и утюгами. Когда он пришел домой, покупатели

предложили ему свежее молоко с луком и буханку хлеба. В полдень тарелка макарон и кусочек сыра. В сумерках он перестал работать, и ему дали домашний хлеб в качестве первого взноса перед оплатой счета в воскресенье в Новаре.

Прошло несколько лет, и его сын, Туриллу, вырос и воочию понял, что он ни за что на свете не намерен провести остаток своей жизни в изоляции в деревне. Он научился ремеслу своего отца, но хотел специализироваться и стать краснодеревщиком. Ему удалось убедить отца отправить его в город, где была возможность научиться этому искусству. Он переехал в Катанию и после двух лет ученичества стал очень хорошим, он чувствовал себя готовым выполнять эту работу, и, поскольку ему было уже девятнадцать, он думал, что пришло время создать свою собственную семью. Он много лет знал дочь пастуха и решил жениться, но это пошло против воли Зи Мичери, который хотел, чтобы его сын женился на женщине из его касты. В те времена невероятно, но было так: для ремесленника жениться на дочери пастуха было большим бесчестием. Между отцом и сыном внезапно возник большой конфликт, который побудил Туриллу окончательно отделиться от отца и мачехи. Вместе со своей новой семьей он покинул страну и переехал в Комо, где на своей работе заработал большое состояние.

Детей у дядей не было, поэтому с уходом Туриллу они навсегда остались одни. Больше всего от этой изоляции страдала тетя Антония, которая весь день разговаривала с птицами, мухами и комарами, которые жужжали вокруг нее. В той пещере в сельской местности у него не было возможности ни с кем поговорить. Только по случаю важных праздников, таких как Рождество, Пасха или праздник Мадонны Ассунты в середине августа, у него была

возможность отправиться в деревню, чтобы навестить мою мать. В один из таких приездов, долго жалуясь на свое состояние, она предложила сестре: - Дорогая Тереза, я заметила, что с двумя маленькими девочками у тебя слишком много хлопот, доверь мне Кончетту, чтобы тебе было свободнее посвятить себя маленькому. Я отвезу ее в деревню, где воздух приятнее, и пойду ей на пользу. - Моя мать поначалу была неуверенной, но потом, как всегда, учитывая ее покладистый характер, под настойчивым настоянием сестры она согласилась.

Для меня начались испытания. День, наверное, был жаркий, начиналось лето 1938 года, мне было два годика, и за мной приехала тетка. В тканевый мешочек она положила блузку, две пары трусиков и ничего не подозревая вышла из дома. Я был так мал, что не мог понять, что в этот день начнется мой Via Crucis. Мы шли по тропе мулов, пока через полчаса, а то и больше, не оказались в этом уединенном месте с не очень обнадеживающим названием Кастрангия (Кассандра!) как бы предвещая беду, словом, название было уже целой программой, даже если бы я не мог понять это в то время. Муж сначала приветствовал меня, тетя иногда покупала мне сладости, чтобы завоевать мое сочувствие, и когда она сопровождала меня в Новару, чтобы навестить мою мать, она всегда настаивала на том, что мне не нужно идти домой, но лучше расти с ней, которая была одна и что она будет моей матерью. Я ничего не мог сделать, кроме как подчиниться.

Тем временем мой отец вернулся с Сардинии, пробыл здесь всего неделю, достаточно, чтобы моя мать забеременела, и снова уехал. Мы были в 1939 году, а в следующем году родилась Антониетта. Я до сих пор смутно

помню, как моя тетя Антония отвезла меня в Новару повидаться с матерью, и я впервые увидел свою сестру. Я хотел остаться дома, чтобы приласкать маленькую Антониетту, но моя тетка, все более и более контролировавшая мою жизнь, жесткая, как солдат, сказала мне: - Turnemmu a casa, ti fazzu eu ’na bella causitta - (Пойдем домой, Я позабочусь о красивой кукле).

Когда мы подошли к лачуге, он сунул мне в руки тряпичную "каузитту" с нарисованными красными страшными глазами. Я испугался. Это был период, когда я всегда плакала, потому что хотела вернуться в Новару к дедушке и матери, но не было никакой возможности переубедить Зи Антонию: ее сердце было каменным и глухим ко всем моим жалобам. Первые три года мы много времени проводили на даче в Кастрандже, где не было ни души живой, лишь изредка мы видели отдыхающих в разбросанных вокруг домиках.

По воскресеньям мы ездили в деревню, и я ездил навестить маму, младших сестер и дедушку по материнской линии. Дедушка был симпатичным мужчиной с усами. Он носил с собой табакерку, которую время от времени нюхал. Зимой он брал меня под свой плащ и водил на площадь, чтобы купить сладостей и попробовать вина в таверне "Sciancaditta" над больницей. К вечеру мы вернулись в Кастранджу.

Иногда по вечерам мой дядя ходил репетировать с оркестром, где он играл на тромбоне, затем останавливался выпить в гостинице и бодро возвращался в сельскую местность. В 500 метрах от Кастрангии он стал называть "Кончеттина, нтойя...". Дома тем временем тетка приготовила глиняный котел, чтобы нагреть воду на треножнике. В середине приготовления ему налили ковш кипятка, возможно, чтобы избавиться от вина. В железной сковороде

моя тетя приготовила лук с помидорами, чтобы приправить макароны. Лук был недоварен и вызвал у меня рвоту. "Ешьте, а то я возьму пояс и отдам вам тела...".

В те дни повивальной бабкой Сан-Базилио была женщина венецианского происхождения. Зимой, когда река наполнялась, дядя Микеле носил ее на плече (чианкалею) за покупками в аптеку в Новаре. Он останавливался дома и говорил: "Антоня, дай ей платок, а то холодно". Бедная тетя, я не знаю, поняла ли она, что была любовницей Мишель.

Мне было теперь пять лет, я был изолирован в сельской местности, ни с кем не разговаривая, я стал подобен дикому зверю. Мне было стыдно за всех. Когда мы поехали в Новару, я спрятался, потому что боялся людей. Соседи поняли это преображение и посоветовали моим дядям отдать меня в детский сад. К счастью, дяди были убеждены. Итак, однажды утром моя тетя послала моего дядю Микеле купить мне печенье и положить его в белую соломенную корзину, которую подарила мне бабушка по отцовской линии. Вместе с печеньем он положил свежее яйцо. Он сопровождал меня в детский сад, расположенный недалеко от деревни Аббатство. Когда монахиня открыла дверь, чтобы поприветствовать меня, я начал кричать. Охваченный страхом, я швырнул корзину на пол, яйцо разбилось и запачкало пол повсюду. Моя тетя наказала меня, сильно отшлепав меня, и отвела домой. Так что мой первый день в детском саду стал и последним.

Случилось так, что когда мне было четыре года, мой дядя говорил: "Кончеттина, поезжай в Новару и купи мне carmieri (успокаивающие средства) от головной боли". Я бежал по тропе мулов, как хорек, прошел район Греко, иногда

останавливался у фонтана, чтобы утолить жажду, и пришел в аптеку "дю Сурчитту". Он, фармацевт, пораженный, сказал своим друзьям, что через короткое время я собираюсь и возвращаюсь из Новары, как молния. В пять лет меня отвезли в Барселону к дальним родственникам. Там я впервые увидел и услышал свое удивление... радио! Мы также пошли в магазин, чтобы купить кусок ткани горохового цвета. Продавец предложил: - Еще купите шапку и белый шарф. В конце концов их убедили, и продавщица дала нам бесплатно два лоскута блестящего синего и голубого атласа. На следующий день мы отнесли ткани моей маме, которая сшила одежду за несколько дней. В воскресенье я чувствовала себя дочерьми маркизов и баронов Новары.

Зимой 1941 года, в самый разгар войны, мой отец, закончив работу на Сардинии, вместе с приятелем решил искать счастья в северном городе и остаться на старую работу сапожником. В воздухе витало ощущение, что моя мать хочет присоединиться к моему отцу, и меня это беспокоило настолько, что однажды я проскользнула под его кровать, разделась и увидела два зернышка риса будущих сосков с корками, потому что моя тетя никогда меня не мыл. Я насильно снял их. Я помню, что видел кровь, потому что ранил себя. Я надела брезентовую рубашку, которая была нужна днем и ночью, потом платье, и никто не заметил.

Перед отъездом мать попыталась оставить дедушкин дом в порядке, и бедняга остался один. Он подумал о том, чтобы провести электрический свет, что в те дни было прерогативой лордов. Раньше "у лусу" обозначали нефть. Дядя Микеле был расстроен: через несколько дней он по очереди вызвал электрика и заставил его тоже установить свет в своем доме, так что, когда я поехал в деревню, я тоже

наслаждался небольшим светом на крутой деревянной лестнице. Когда мне нужно было пойти в туалет (латрею), в основном простую дыру, которая была на первом этаже за его лабораторией, рядом всегда стояли гробы, которые мой дядя соорудил наготове на случай запроса.

Утром 1 марта 1942 года, одетый в голубой атлас с голубыми рукавами, я вместе с дядей и дедушкой Торе провожал маму и сестричек на площадь Сан-Себастьяно почтой, то есть, да, автобусом, который отвезет их на вокзал Вильяторе. Ее 4-летняя сестра Роза не хотела подниматься и, чтобы убедить дядю, сказала: - Если ты не поднимешься, ты будешь ietto du pidti - (Я дам тебе два пука).

Я, старший, под влиянием тетушки не уехал и остался в Новаре. Я не мог перестать плакать. Я искал утешения в руках дедушки. Он тоже остался один, и в этот день я остался с ним, чтобы составить ему компанию. Дней через двадцать пришло первое письмо от матери, в котором сообщалось об успешном путешествии. Папа дал ей найти уютную квартиру с водой в доме и газовой плитой, что было для нее в новинку. Продолжая рассказ, на следующий день после приезда она вызвала в дом парикмахера, чтобы сделать ей модную стрижку. В селе почти все женщины носили длинные волосы с начесом. Короче говоря, моя мама впервые в жизни была счастлива и довольна. В конце рассказа он порекомендовал меня моей тете. Он, конечно, не представлял себе моих страданий в Кастрангии.

На следующий день после нашего отъезда тетя Антония отвезла меня обратно в деревню и велела своему мужу купить мне учебник для первого класса, чтобы научить меня писать и иметь возможность посещать второй класс вместо первого в октябре. Бедный я: я больше не мог играть, но мне

приходилось тратить время на написание стержней и чисел. Из Кастрангии то и дело проезжала учительница, возвращаясь из Сан-Базилио, где она преподавала. Ее звали Мария, она была дочерью капитана, которого знала ее тетя. Он предложил ей стакан воды. Тем временем я показал ей блокнот, и она погладила меня. Он достал из сумки красный карандаш и написал "брава". Какая радость, какое счастье видеть, как меня хвалят, что-то необыкновенное для меня. С каждым днем я становился все более меланхоличным, я умолял их отвезти меня к моим дядям по отцовской линии, бабушке и дедушке, но моя тетя сказала, что в этом нет необходимости.

Она боялась, что я могу рассказать им, как со мной обращались и кормили. Действительно, маленькой девочке, которая должна была расти и развиваться, еды не хватало: утром давали кусок черствого хлеба с сыром, в полдень салат из помидоров и две оливки. Вечером, когда муж был дома, тетя Антония приготовила макароны с самодельным соусом из сырого лука. И если я не съел его, я рисковал получить побои. Чтобы разнообразить некоторые вечера, он готовил макароны с фасолью или что-то вроде мягкой поленты. Только на Рождество, Новый год, Масленицу и Пасху убивали курицу или кролика. В январе зарезали свинью, из которой сделали острую салями и сало, но употреблять их приходилось пипеткой, иначе на весь год не хватило бы. Время от времени по воскресеньям мой дядя покупал грязную требуху, которая даже сейчас вызывает у меня отвращение при одной мысли о ней, или кишки, свернутые на ветке петрушки, stigliole, которые затем жарили. Все это были дешевые продукты, потому что, по их мнению, нельзя быть расточительным, как ваши бабушки и

дедушки, и они все повторяли мне: - Видишь ли, у них всегда есть кастрюли с колбасой и вяленой рыбой, они едят и пьют. Ты должен держаться подальше от этих людей, - сказали они. Мои дяди боялись, что другие родственники убедят меня настоять на том, чтобы я воссоединился с матерью и отцом на континенте. Они так усердно работали, чтобы заставить меня их ненавидеть, что иногда, встречая их, я закрывал глаза руками, чтобы не видеть их.

Наступил сентябрь, и мне нужно было сдавать вступительные экзамены во второй класс. Дяди отвезли меня в деревню, советовались с дворником, чтобы за мной присматривал, с учителем, который должен был быть у меня во втором классе, и с учителем экзаменационной комиссии. Все они принесли подарки в виде яиц, чтобы обеспечить мое продвижение по службе. У меня никогда не было контакта с этими людьми, в классе было несколько двухместных деревянных парт с чернильницами. Со мной были другие девушки, которые сдавали корректирующие экзамены. Они заставляли меня решать сложение и вычитание на доске. И чернильницы, и классная доска были для меня совершенно новыми. Я тряслась, как лист, от страха и смущения, я не знала, как решать операции, потому что тетя Антония научила меня писать только числа от одного до десяти. Затем они попросили меня написать предложение, небольшую мысль в блокнот, но я не знал, с чего начать. Когда эти неприятности закончились, дворник отвез меня домой. Ее тетя спросила ее, как прошел тест, и уборщик ответил, что он прошел не очень хорошо, но окончательное решение остается за учителями.

Удивительно, но результат оказался положительным, и меня приняли во второй класс: я был готов идти в школу, но

возникла проблема с фартуком. Накануне дядя Мишель пошел в магазин и купил остатки черной ткани. Тетя Антония сшила мне форму за день. Чтобы купить портфель, нужно было больше денег. У моих дядей были деньги, но они были одержимы сбережениями, поэтому он, скупой человек, наловчился и сделал мне фанерный портфель с оконной клипсой. Они даже не купили мне ручку. Его дядя сделал один из тонкого куска дерева с пером на конце. Две тетради и карандаш не могли их заменить и пришлось покупать их силой. 1 октября того же 1942 года тётя провожала меня в школу. Сначала она пошла в podestà, чтобы попросить свидетельство о рождении, которое потребовалось в школе, потому что я был вне класса. Учительница была полна доброты и встретила меня с сочувствием, но я боялся ее, возможно, потому, что вместо правой руки у нее был резиновый протез из-за несчастного случая, который произошел в детстве на макаронной фабрике ее отца. Мне отвели место на первых скамейках. Мои новые спутники, не видевшие меня год назад, были заинтригованы моим присутствием и бормотали друг другу: - Ma cø ievi is this case sicca-sicca? - (Кто эта худенькая худенькая девчонка?). Мне было очень страшно и стыдно, я не могла открыть рот и даже не отвечала на вопросы, которые с любовью задавала мне учительница.

Я был диким ребенком, и у меня не хватило смелости попросить выйти в туалет, и однажды я описался сам. Поэтому, когда я вернулась домой, моя тетя избила меня за то, что ей нужно было постирать мое платье, которое в любом случае не высохло до следующего дня. Шли дни, и каждый раз происходило одно и то же. Когда учительница узнавала об этом посреди дня, она отправляла меня в

туалет, но иногда забывала, и я делала это снова. Товарищи игнорировали и избегали меня, как будто я был замучен, и даже не пытались подружиться со мной.

Они знали друг друга, потому что познакомились в деревне, а мне приходилось идти почти час, чтобы добраться до дома в деревне, и поэтому у меня не было случая с ними подружиться. Дяди приезжали в деревню только по воскресеньям, чтобы встретиться с друзьями и провести с ними несколько счастливых часов за бутылкой вина. Но большую часть времени тетя оставалась дома, чтобы получать заказы для своего мужа. В возрасте шести лет я ходил по длинной тропе на мулах в гору. На полпути я остановился, чтобы подобрать букет фиалок, окруженный листьями, и предложить его учителю.

Я пришел в школу уставший. После полудня я возвращался в деревню под оглушительное стрекотание цикад и палящее солнце, так и не встретив ни единой живой души.

Я заперся в этой лачуге и остался один фантазировать о себе в этой не очень безмятежной обстановке с теткой, которая становилась все более строгой по отношению ко мне. Дядя после работы почти всегда ходил в трактир и возвращался домой поздно вечером, всегда пьяный. Иногда, более навеселе, чем обычно, он терялся и не возвращался домой. Его тетя и несколько соседей пошли искать его посреди ночи вдоль ручья при свете фонарей. Когда они нашли его сгорбленным на земле, они уговорили его вернуться домой.

Между тем, я не мог сделать ничего хорошего в школе. В конце первой четверти учительница раздала табели, затем со знаками отличия фасций и, к сожалению, по всем предметам недостаточно: мой табель был самым бедным в

классе. Чтобы подбодрить тётю, я сказал ей, что другие табели успеваемости такие же, как у меня, и тётя чуть не проглотила приманку. Итак, день за днем я подбадривала себя и на уроках пыталась подружиться с некоторыми одноклассниками. Я хотела подойти к ним, но они исключили меня из своих разговоров, может быть, потому, что в их глазах я была бедной деревенской девушкой.

Третья глава - Игры на песке

За годы, проведенные в одиночестве в Кастангии, время никогда не шло, потому что единственное, что можно было делать, это слушать целыми днями щебетание птиц, а летом оглушительное стрекотание цикад, когда сирокко подкрадывался с моря зигзагообразным курсом. ручья и поджег долину. Животные сельской местности были моими друзьями. Поэтому я проводил время в мечтах. Я создал свой собственный мир, начав с фигур, появлявшихся передо мной на фоне неба или среди ветвей деревьев: говорящих диких животных, рыцарей, которых я выстроил на краю скалы Сальватеста, а затем с моим волшебным силы, я заставил их упасть, я наблюдал, как они были уничтожены страхом. Затем я превратил Скалу в дракона, который внезапно отделился от горы и высоко взлетел, сея ужас в округе. Я преобразил облака, которые стали летающими лодками, и я путешествовал по небу, думая отправиться за далекое море, где меня ждали моя мать и сестры. Крабы, которые выходили из воды ручья и раздувались, превращались в

гигантских животных, которые, продвигаясь по течению, вырывали с корнем и растения.

Иногда я вспоминал неприятное лицо моей тети Антонии. Она не любила меня, она не любила меня, и я ненавидел ее: моя мать доверила меня своей сестре, но она также обещала мне, что однажды она придет и заберет меня: поэтому я часто лазал по деревьям, осмотрел горизонт, надеясь увидеть, как она приедет на спине белой лошади с моим отцом. В близлежащих деревушках Сан-Базилио и Валланкацца все мужчины разъехались. Остались только женщины, дети и несколько стариков. Это были тихие деревни, которых жизнь едва коснулась. Время остановилось, и люди верили, что все изменится, что однажды, когда закончится война, цивилизация победно войдет в этот рой разбросанных, мертвых, покосившихся домов. Я хотел бы иметь друзей, знать, что я не одинок и покинут, иметь возможность быть защищенным, знать, что я могу укрыться в том или ином доме. Я даже не имел права сказать, что я без семьи, что мои родители далеко, на противоположной стороне моря, за этой бескрайней синевой, что между мной и ими словно высокая и непроходимая гора. Вместо этого я был вынужден жить со своей тетей, которая жестоко обращалась со мной. Когда я подумал об этом и увидел, как она появилась, она раздражала меня своим резким, грубым голосом. Голос, созданный для того, чтобы кричать, орать, оскорблять и увиливать.

Даже животные боялись его голоса. Только с мужем она опустила хохолок и громкость голоса совершенно изменилась, превратившись в блеяние овцы. Моя тетя думала, что маленькая девочка не может понять, что происходит вокруг нее. Я не только все понял, но, кроме того,

не остался безмолвным или пассивным. Это была постоянная борьба. Бесконечная и изматывающая борьба. Время от времени я думал о будущем: она была стара и беспомощна, я был молод и силен, но, несмотря ни на что, я бы не стал относиться к ней плохо, это не было частью моей натуры.

Иногда я подходил к реке, где находил людей, которые шли стирать белье, делать лисию, то есть стирали простыни и одеяла, предварительно замочив все в золе. Или когда после периода стрижки приходили стирать овечью шерсть и сушить ее на солнце, чтобы отбелить, а затем использовать ее для набивки матрацев кроватей. Я пошла собирать хлопья, которые остались среди камней берега и ими одела свою тряпичную куклу. Когда я не знал, что делать, я стал поднимать камни на берегу ручья в поисках креветок, с мастерством подцепляя их пальцами над головой, чтобы они не защемили мне пальцы своими когтями.. Я отнес их домой, а вечером, когда тетя разожгла огонь, я зажарил их и съел: для меня это был особенный обед. Иногда вместо крабов, как только поднимали камень, вверх прыгали маленькие перепуганные лягушки, вертикальным прыжком, заставляя меня подпрыгивать от страха. Я думал, что они мои товарищи по играм, и иногда мне даже было жаль оставлять их одних в темноте на всю ночь. Когда вечером мне нужно было идти домой, я громко позвала дядю Микеле, воспользовавшись эхом, которое создавалось в долине. Иногда летом, когда семья Скардино жила в доме дальше по долине, я навещал их. Я играл с Миммой, младшим из братьев.

Пиппо делал стулья и столы для кукол. Как приятно было провести несколько часов вместе. Утром мне позвонили,

когда пошли на другой берег за молоком. Им нужно было наполнить ведро, "Кончеттина" была довольна тем, что его доят. Хозяйка коров Микка Каппеллея сжалилась и предложила мне полстакана. В доме моей тети мы видели молоко два раза в год: когда она пекла печенье и на Пасху, когда она готовила голубей с крашеным кольцом яйца. Когда молоко закипело, я снял его до последнего. В комнате деревенского дома стояла дядья кровать, если ее можно было назвать кроватью, с досками на двух железных козлах с соломенным тюфяком, так как волосяной они оставили в Новаре. Мне пришлось спать на тюфяке только под старым армейским одеялом, засаленным и протертым. Я легла спать в холщовой рубашке, которую носила даже днем без трусиков. Невозможно описать холод, который я чувствовал каждую ночь. Когда шел дождь, нужно было устраивать емкости, служившие для сбора воды, проникшей с крыши. Если мне нужно было пописать ночью, я должен был выйти из дома и сделать это возле ступеньки. Если бы я этого не осознавал, потому что я мечтал, и я делал это в соломенном матраце, утром я бы тоже взял кучу бочек. Тетя Антония тоже легла спать в той же рубашке, что носила днем, а дядя Мишель присел на корточки, как его мать.

Церемония засыпания проходила по обычному ритуалу: сначала ложился я, потом очередь тетушки, потом дядя снял штаны и полосатые холщовые панталоны. В довольно мешковатой рубашке, которую он носил днем, он подошел к кровати, выключил керосиновую лампу, стоявшую на столе у стены. Я, озорник, сделал вид, что не смотрю, и все же выглянул: когда она нагнулась, чтобы потушить пламя, я увидел проецируемый на стену, как китайская тень, ее силуэт с болтающимся дин-доном. - О, как здорово! - сказал он,

потому что от всего выпитого вина ему стало так жарко. Рядом с их кроватью стояли две гарнитуры, т. е. две большие тростниковые корзины, в которых они хранили сушеные фиги. Они накрыли их грязными, засаленными тряпками, а поверх них были чистые панталоны дяди. В сундуке возле моей кровати хранили хлеб и шарф, которым мне зимой повязывали голову, когда я ходил в школу, белье мое и тети. Я использовал их только по воскресеньям, когда мы ходили к мессе в Новаре. Дяди сказали, что нам не следует ставить их в деревне, потому что мы бы потратили их напрасно.

В январе убили свинью. Сделали колбаски и посолили сало. Вареные ноги хранили в глиняной посуде, погруженной в сало. Их обычно ели в мае со свежими бобами, потому что традиционно их нельзя было есть раньше. Однажды, это было в апреле, я попросила у тети немного, потому что была очень голодна и не знала, что есть с хлебом. Моя тетя начала кричать, что я сошел с ума. Однажды, возвращаясь из школы, я встретил на тропе мулов Офелию с ее сестрой. Они потеряли мать и вернулись с отцом из Франции.

Они были гораздо бледнее меня, я их пожалел и сказал им: заходите, где я живу, в этот час моя тетка за водой вышла, в печке горшок с едой, возьмите, покормитесь, а то не никому ничего не говори. Они поблагодарили меня и, движимые голодом, без колебаний последовали моему совету. В мае, когда мои дяди сварили бобы, они пошли за свиными ножками, а вместо них нашли только горшок с салом: естественно, думая, что это я, они бушевали против меня много дней, чтобы заставить меня заплатить. В тот раз я был очень горд, потому что впервые у меня было приятное ощущение, что я выиграл великую битву против их жадности.

Из-за отсутствия гигиены по всему дому безмятежно царили блохи. Ночью они кололи мне шею, и моя тетя каждый вечер мазала меня оливковым маслом, чтобы блохи не сосали мою кровь. Утром моя шея выглядела накрашенной. Как и у моей тёти, у меня тоже были вши, так и не привыкнув мыть голову. С другой стороны, моя тетя завивала мне волосы и, чтобы они не спутались, смазывала их водой с сахаром.

Мои одноклассники, с другой стороны, всегда были чистыми. Даже самый бедный из них не был таким грязным, как я. Учительница тоже поспособствовала работе по маргинализации, отбросив меня ото всех на задний ряд. Мое тело было неописуемо грязным. Меня купали в реке раз в год, по случаю праздника Феррагосто, самого важного в городе. Однажды, когда я думал о своей матери, мне было лет семь, я упал в горячий пепел жаровни. Я обожгла правую руку, и тётя не повела меня к врачу, но каждый день лечила меня травами. У меня было два пузыря, похожих на два голубиных яйца, я кричал от боли, но она не шевелилась. Мне показалось, что его съели мыши.

Я выздоровела чудом через пару месяцев и до сих пор храню знак. Однажды в воскресенье, когда я был на балконе, маленькая девочка, спускавшаяся вниз, спросила меня, не хочу ли я пойти с ней на урок катехизиса к синьорине Винченцине. Я не знал, что это такое, потому что тетя водила меня к обедне только по случаю самых важных праздников, я не понимал, что значит ходить в церковь. Напротив нашего дома жил священник, отец Буэми, но я встречал его очень редко и смотрел на него с неохотой. Моя тетя повторяла мне до отвращения: "Если ты заговоришь с ним, этот священник отрежет тебе язык". Однако я попросил и неожиданно получил разрешение брать уроки катехизиса.

Я сразу почувствовал себя в этой среде непринужденно. Барышня дала мне буклет и журнал. Я испытал огромную радость, услышав об Иисусе.Однажды он сказал мне, что подготовит меня к Первому Причастию. Я говорил об этом дома, и мне сказали, что я еще слишком молод. Я ответила, солгав, что это сделают все девушки в группе. На самом деле они уже были подтверждены, однако мы с барышней договорились и назначили дату со священником Сан-Никола: день Тела Христова.

Возникла проблема с белым платьем, но кто-то сообщил тете, что его взяли напрокат монахини. Настал долгожданный день: утром он проводил меня на церковный пост. Она предположила, что там были и другие девушки, потому что она никогда не проявляла инициативы, чтобы связаться с дамой, занимавшейся катехизисом. Поняв, что я один, она оскорбила меня: - Лжец, грубиян. Мой учитель тоже был на мессе в то утро с другими людьми. Некоторые присутствующие женщины успокаивали ее. Пришел священник и, взяв меня за руку, повел в ризницу на исповедь. Он сказал мне прекрасные слова, которых я никогда раньше не слышал. Мне казалось, что я лечу в рай, и я сказал себе: - Неправда, что священники отрезают себе языки, наоборот, они умеют понимать страдания маленькой девочки. Если бы я мог, я бы обнял и поцеловал его от радости.

Он заставил меня произнести пять раз "Радуйся, Мария" в знак покаяния, и я вернулся на свое место. Тут же тетя спросила меня, что я сказал священнику за то, что так долго там пробыл, и я: - Барышня научила меня, что исповедь тайна. - Да, но ты должен сказать мне в первый раз, - настаивала гарпия. Ни за что. Была месса, причастие, а

когда я уходил, меня заставили поцеловать дяде руку и сказать: - Пожалуйста, благослови меня. Начал с деда, всегда одна и та же фраза, потом обошёл всех родственников. Тетя Гаэтана дала мне буклет. Я был голоден, но никто не предложил мне еды. Обычно после церемонии принято было идти в бар за гранитой с печеньем, но они были взяты манией экономии: в полдень мы съедали тарелку макарон, а днем шли к фотографу, потому что родственники предложили прислать фото мамы.

Я закончил второй класс и сдал его с очень низкими оценками. В том году тебе пришлось остаться в деревне на все лето. Я возразил: - По крайней мере, по воскресеньям я должен ходить к обедне и видеть дедушку, который один. Он был очень хорошим человеком, страдал астмой. Его дочь пренебрегала им, отчасти из-за небрежности, отчасти потому, что она была обусловлена своим мужем, который всегда был зол на своих соседей, родственников и тестя.

Я взяла белье для стирки и тайком отнесла тетке из

Мичерильо, а то будут неприятности. Он даже не испытывал любви к отцу: однажды в Кастрангию пришла его сводная сестра и сообщила, что он умер. "Если ты не уйдешь, я отвезу тебя на cauci to curo (надеру тебе задницу)", - сказал он ей.

Когда в деревне была вечеринка, участникам музыкального коллектива предлагали "pezzo duro", мороженое, названное так из-за его особой консистенции. Дядя Мишель, так и не понял, то ли потому, что ему это не понравилось, то ли от того, что его довели до необычного жеста великодушия... Увидев, что я прохожу, он позвал меня: "Кончеттина, иди и возьми мороженого". И поэтому я воспользовался возможностью насладиться чем-то хорошим в тех редких случаях.

Некоторое время назад доктор Косентино ди Бачено напомнил мне об одной детали, которая была потеряна в моей памяти. Пока группа играла на улицах города, дети пытались присоединиться к параду. Но чтобы оправдать их наличие, нужно было "знать" компонент. В доказательство он держал руку в кармане пиджака. Таким образом, я последовал за своим дядей Микеле, а Джанни Косентино, сын учителя начальной школы и сирота, держал руку в кармане главаря.

В разгар войны в Новару стали падать несколько бомб. Все разбежались, а некоторые знакомые укрылись вместе с нами в Кастрандже. Для меня это была вечеринка, потому что я мог быть в компании. Время от времени слышен был свист осколков. Пришло и трагическое известие о том, что сына владельца кондитерской Орландо разорвало на части

бомбой. Мать в Домодоссоле, беременная в четвертый раз, осталась одна с Розой и Антониеттой. Моего отца призвали обратно на Сицилию, чтобы он стал берсальером. Через несколько месяцев после своего отъезда он узнал, что его мать родила девочку по имени Эмма и что у него есть возможность вернуться домой, поскольку ожидается, что он будет освобожден с четырьмя детьми.

К сожалению, когда он прибыл в Домодоссолу, его ждал горький сюрприз: Эмма перестала жить через 12 дней. Через два дня ему пришлось вернуться на фронт. Несколько месяцев спустя - это был период неопределенности и нестабильности после 8 сентября - ему удалось избежать военной службы и вернуться в Новару, ожидая окончания войны, чтобы присоединиться к своей матери. Он открыл небольшую сапожную мастерскую. Каждый день я ходил к нему. Застенчивая, но проницательная для своего возраста, я интуитивно догадывалась, что папа будет спать с замужней женщиной, но с военным мужем. Однажды я вошел в кассу на склоне площади Бертолами. Сосед болтал с папой. Я набросился с указательным и средним пальцами, направленными на то, чтобы выколоть глаза моему отцу, который изменял моей матери. Соседу удалось меня удержать, а папа с улыбкой сказал мне: "Занимайся своими делами". В 1944 году родился коричневый ребенок, такой же курчавый...

В Бадьявеккье дед по отцовской линии заболел раком желудка. Я получил разрешение от тети, чтобы пойти и увидеть его. Я часто спускался из Кастрангии и гулял вдоль реки. Я помню его в постели, безмятежным. Бабушка все еще была занята магазином и могла уделять ему мало времени. Она вложила ему в руку оливковую ветвь, чтобы

отогнать мух, но ему стало хуже и сил уже не было, и я их прогнала. 2 ноября 1944 года в возрасте 66 лет улетел в рай. Папа все еще был на Сицилии. Дяди тоже присутствовали на похоронах.

Время от времени я получал письма от моей матери. В 1945 году мой отец вернулся в Домодоссолу, а в 1946 году родился мой брат Джузеппе.

Глава четвертая - Масло, паутина и сглаз

Война бушевала по всему миру, связь была затруднена, и мы больше никогда не слышали о маме. К счастью, моего отца отозвали на Сицилию, чтобы он присоединился к корпусу Берсальери, и когда у него было несколько дней на свободе, он пришел повидаться со мной. Из-за войны в деревне осталось много людей. Переселенцы обычно оставались на две недели, но затем городу угрожала опасность бомбардировки, и они предпочитали оставаться в сельской местности круглый год.

Время от времени я находил прибежище у этих людей. Жила-была семья с четырьмя детьми, которые всегда были в хорошем настроении, несмотря на отсутствие еды. Я видел жадность моих дядей, у которых было так много сушеных фиг и которые никому ничего не давали: я взял добрую горсть и тайком принес их ему. Часть фасоли, которую мне дали на завтрак, я оставила для них. Даже черствый хлеб: кусочек, который моя тетя клала мне в карман перед тем, как идти в школу, я делился им с теми детьми, а взамен они давали мне несколько листов для письма, заставляли играть на качелях,

а один из них собирал игрушки, стулья и кровати для кукол, которые она предназначала мне и своей младшей сестре, а ее старшая сестра делала для нас тряпичных кукол.

Иногда случалось, что я спускался к реке, куда соседские женщины ходили стирать одежду с пеплом, а я стоял и восхищался огнем, зажженным для нагревания воды в сосуде, поддерживаемом двумя большими камнями. Я никогда не видел, чтобы моя тетя делала эти операции. Он почти никогда не мылся и не ходил на реку, когда рядом никого не было, чтобы не щеголять своей засаленной и очень грязной одеждой.

В другой раз я наблюдал женщин, которые в течение двух или трех дней расстилали на камнях льняную ткань, сотканную дома. Его смачивают и дают высохнуть под палящим солнцем, пока он не побелеет. Моя тетя всегда звонила мне домой, но я делал вид, что не слышу. В военное время невестка тоже вернулась из Турина с девочкой. Из уважения к Сальваторе, ее пасынку, с ней обращались как с королевой. Все это время они оставались в деревне, и тетя по случаю вынесла надушенное мыло, льняные полотенца, сушилку для посуды, скатерть и салфетки, чтобы произвести хорошее впечатление. Вместо этого со мной обращались как со служанкой, которую посылали с поручениями и за водой из фонтана, потому что посылать гостя считалось позором.

Наступило Рождество и, по северному обычаю, утром невеста нашла прекрасный подарок от Младенца Иисуса своей дочери: красивый набор горшков и блюдец для куклы. Я радовался за нее, но в то же время меня переполнял гнев, потому что со мной никогда не случалось ничего подобного. Я становился все слабее и слабее. Виноград был, да жалко его есть: для вина надо было его выжимать. Кушать можно

было только то, что украли у соседей. Фундук собирали, но чтобы продать. Некоторые я ел тайком, как белки в лесу. Мои дяди покупали молоко только на Рождество и Пасху, чтобы делать печенье, и я снимала его ложкой, пока оно кипело. Моя тетя редко готовила мне яичницу. Я часто надеялся, что она поджарит его для меня: "Давайте уберем его вот так, когда у нас будет немного и курица пройдет (это был молодой человек из Мессины, который ездил по сельской местности, собирая яйца, выдавая их за свежие) мы". Я продам их и получу деньги. Он собирал яйца в течение двух месяцев, а затем продал их.

Те из Мессины, которые купили яйца, вероятно, обнаружили, что держат цыпленка. Инжир нужно было проглотить, лишь немногие можно было есть, остальные оставляли сушиться на солнце, чтобы продать или сохранить на зиму. В октябре месяце вечером проходили красивые каштаны. Если и оставалось несколько очищенных, то дядя оставлял их на столе в маленькой комнате (не на тарелке, а на засаленном от масла, капающего из лампы коврике) и утром, когда вставал в четыре Иду на работу, он разбудил меня и, протягивая мне каштаны, сказал: "Ты завтракаешь". Я повиновался и съел их от голода, но они имели вкус масла и неизбежно вызывали у меня боль в животе. Дядя хвастался: - Я люблю свою племянницу, я даже готовлю ей каштаны, когда еще поздно ночью. На самом деле у моего дяди была ненависть в глазах. Иногда они были желтыми, огненно-красными, когда он злился: хотя и маленькие, эти глаза вторгались в его лицо. Они были маленькие и глубокие, как узкие дыры, из которых вырывается ненависть. Тем временем дизентерия и глисты торжествовали. Моя тетя время от времени давала мне чайную ложку нефти. Это

отгоняет червей, бормотала она, чтобы убедить себя... потом начала с "приченту": - Mazzai un vermu gruossu quennu ìa pagana, øa u mazzu chi sugnu all Christian. О луриди сенту, о вторник сенту, о меркуриди сенту, о джувиди сенту, о винарди сенту, о сабуту сенту, маттея дю юрну ди Паскуа и вьерму стурдуду а тьерра каска.-

(Я убил толстого червя, когда был язычником, а теперь убиваю его как христианин. В Великий понедельник, в Великий вторник, в Великую среду, в Великий четверг, в Страстную пятницу, в Великую субботу, утром в день Пасхи оглушенный червь падает на землю).

Не знаю, как я смог выжить.

Здесь мы открываем скобки.

Через много лет меня охватила боль в животе. Раньше я ходил на рентген с аппаратами размером с комнату. Мне дали немного белой каши, чтобы посмотреть, нет ли язвы. К сожалению, вы ничего не видели. Рентгенолог сказал, что это гастрит, и дал мне несколько паллиативов, чтобы облегчить боль. Я дошел до того, что не могу переварить ложку воды. Мне было около пятидесяти. Паоло, друг Армандо ди Пьяченцы, предложил отвести меня к специалисту. Он тоже пришел к доктору Маццео. Инструмент для гастроскопии не мог пройти дальше горла. "Я не знаю, как спасти эту женщину, - сказал доктор, - привратник закрыт". Все люди, которые делали гастроскопию, вышли из помещения на собственных ногах. Я на носилках с капельницей. Врач прописал мне сильнодействующее лекарство на два месяца. Когда я вернулся, инструмент все еще не проходил. Еще одно лекарство, еще более сильное, на три месяца.

Через пять месяцев после первого посещения инструмент стал пробивать привратник. "Чудо!" - сказал доктор Маццео. После того, как трубку удалили, он задал мне много вопросов, чтобы понять, было ли это чем-то врожденным или вызванным. Я заплакала: "Может быть, это нефть, которую Зизи время от времени давала мне от червей". Доктор запустил руки в волосы: "Масло? И ты еще жив!". Продолжая лечение, время от времени я повторяла гастроскопию.

Благодаря доктору Маццео, который спас мне жизнь, теперь, спустя много лет, я могу наслаждаться едой с помощью всего лишь небольшого количества сдерживающих лекарств.

Когда кто-то позвал ее с балкона, у тети все закружилась голова. Затем они посоветовали ей выпить небольшой стакан феррокина натощак. Она уговорила мужа купить его, а утром он дал стакан и мне.

Кроме того, в том доме также царили суеверия. У дяди всегда болела голова от выпитого вина, но, по его словам, причиной был чей-то сглаз. Жене пришлось умолять его: она взяла тарелку с водой, насыпала немного соли и каплю масла, а затем начала с приченту от головной боли: - Ogliu biridittu, ogliu santissimu, trasi ta sta casa e scaccia stu marocchiu, ogliu biriditto выйди и прогони эту мамукку... (Благословенное масло, святое масло, войди в этот дом и прогони этот сглаз, благословенное масло, укрепись и прогони этого дьявола...).

Это пятно освященного масла как бы отгоняло, по их поверью, сглаз. Чуть позже этой водой обрызгали все четыре угла комнаты, и головная боль прошла.

Для заживления ран паутину связывали с маслом, а кусок

мяса для приготовления бульона. Эта ужасная смесь, говорили они, непогрешима! Утром дали стакан воды с магнезией. Через некоторое время, весь дрожа, мне пришлось выйти на мороз, чтобы освободиться. Когда я выздоровел, меня отправили к женщине, которая колдовала: ниткой она измерила меня с головы до ног и той же меркой горизонтальные руки. Если кусок отсутствовал, это предотвратило смерть на этот год.

Даже если дяди по-своему верили в Бога, в Святых, в Мадонну. Каждый год 8 сентября они отправлялись пешком в Тиндари, в святилище, посвященное черной Мадонне, примерно в сорока километрах от города. С пятилетнего возраста я должен был делать это покаяние.

По случаю паломничества в Святилище Тиндари накануне тетка сделала шапки (тапочки) из тряпок. Дядя пунктуально ходил на охоту и приносил домой пару-тройку диких кроликов, чтобы приготовить их. Чтобы произвести хорошее впечатление, тетя также приготовила фаршированные баклажаны. Она посмотрела в зеркало и вытерла лицо тряпкой. В то время была в моде песня "Голубь sta zazà, моя красавица", от чего я и повадился называть ее "zizì".

Мы выехали в Тиндари около одиннадцати вечера, чтобы прибыть на рассвете. Усталый и обессиленный своей немощью, я много раз просил немного свежей воды, но ее не покупали в ларьках, как все остальные уставшие люди: они стояли в очереди у единственного фонтана, расположенного возле церкви, из которого горячая вода хлынуло, это не помогло унять жар. По традиции они купили нут, конскую фасоль и каннелиновые бобы, затем пошли к обедне, помолились Мадинуззе и на выходе встретили односельчан и моих родственников по отцовской линии. В полдень мы

пошли поесть под окрестными оливковыми деревьями. Жаль, что я так устал, ведь в тот день всегда были аппетитные блюда, чтобы произвести хорошее впечатление на друзей. Обед включал приготовленного в духовке дикого кролика, на которого мой дядя неизменно ходил на охоту за пару ночей до этого, фаршированные баклажаны и перец, виноград и домашнее печенье. Чтобы добраться домой, друзья брали средства: машину или гужевую повозку. Я смотрел, уже смирившись с тем, чтобы снова ходить. Только при наличии дяди я мог позволить себе заниматься верховой ездой, иначе было бы больно.

Глава пятая - Совы

Что касается религии, мой дядя был членом братства, и они были обязаны исповедоваться и причащаться в Вербное воскресенье в церкви Сан-Джорджо. Церемония состоялась в пять утра, священник сначала исповедовал всех мужчин в часовне, а затем направился к исповедальне для женщин.

Когда подошла очередь тетушки, которая носила толстую черную шаль, она отнесла одежду к решетке, чтобы как можно больше прикрыться: казалось, ей нужно было вдохнуть ромашковый чай. Он признался, а потом: - Теперь твоя очередь, - сказал он мне. Даже если бы я хотел исповедоваться в течение года, я бы не смог. Тетка отругала меня: - Ты не смейся над Господом, достаточно одного раза в год, иначе ты не достоин брать облатку, потому что можешь грешить даже глазами -.

Около девяти часов Святая Месса, причастие и сразу домой. Как обычно, по напрасным причинам дядя начал ругаться, у нее начался нервный кашель. Случались неописуемые сцены: если в тот день у кого-нибудь была по какой-то причине нужда, он не мог плюнуть, иначе выкинул бы Господа изо рта. Если же это случалось по несчастью, он брал крышку кувшина, плевал в нее и снова выпивал

жидкость с водой и сахаром. На Страстной неделе люди оставались в селе даже ночью, чтобы присутствовать на вечерних проповедях монаха. По четвергам готовили голубей, бисквитное тесто различной формы с вареными вкрутую яйцами, сваренными с водой и кольцом, токсичным красящим ингредиентом. В Страстную пятницу утром, в пост, посещались все церкви, украшенные ростками пшеницы, затем глотались три листа племянника (лекарственное растение с очень сильным запахом), что гарантировало благополучие на весь год.

Вам не нужно было работать днем, чтобы не причинить боль Иисусу Распятому, если вы будете шить, игла уколется, если вы увидите, что есть риск повредить свое тело и так далее. В тот день, что бы я ни делал, меня даже не ударили, иначе Иисус бы заплакал. В одиннадцать часов субботы была месса мира и воскресения. Все дети принесли голубей, чтобы получить благословение священника, а затем съесть их. Я никогда не мог отнять это удовольствие, потому что мне пришлось оставить голубя с двумя яйцами для школьной поездки, которая была организована во вторник после Пасхи. Я должен был предложить яйцо учителю. На Пасху мне купили марципанового барашка, самого маленького, чтобы не тратить лишнего. Дядя был настолько скуп, что чистил свои ботинки копотью из кастрюли, которая образовалась на костре. Если бы тетя знала, что работа закончена и за нее платят, она рекомендовала бы мне: - Спроси своего дядю, принес ли он деньги -.

Нам с ней почти пришлось обожать его, как двум рабам, пока он не растрогался и не дал ей десять лир, а мне пять. Я не мог тратить свои деньги, потому что они предназначались для копилки. Однажды я сказал тете, что хочу сыграть в

лотерею. Она согласилась, потому что надеялась победить. Моя была ложью. На самом деле я тоже чувствовала себя хуже в одежде по сравнению с моими спутницами: у них были юбки, но они не нравились моей тете, и я была вынуждена носить целые платья. Все были в белых, коричневых или синих хлопчатобумажных носках до колен, мне приходилось довольствоваться ее оранжевыми носками, которые стоили дешевле остальных. Я носила их выше колена на резинке, но самая большая проблема в том, что без стопы они доходили до щиколотки. Поверх него я надел пару коротких носков с манжетами. Я уже был достаточно маргинален, и мне нужно было отличиться еще и одеждой. На пять лир я подумал купить себе более приличную пару носков, которые надену утром перед уроками. В этот день магазин был закрыт. Я не мог пойти домой с деньгами, потому что моя тетя выследила бы их. Я думал спрятать их под камнем вдоль тропы для мулов. Ночью шел дождь, и, будучи бумагой, они полностью распались, как я понял на следующее утро, когда пошел за ними.

Прошло пятнадцать дней, и моя тетя спросила меня, выиграл ли я в лотерею. Даже тогда я не был искренен и сказал да. Эти деньги так и не пришли. В Страстную пятницу во время крестного хода в честь Скорбящей Богоматери, встретив учителя, она попросила объяснений. Я умирал от стыда. Естественно, она всего не знала, поэтому под ее строгим взглядом я получил от тетушки две оплеухи. Я всегда ходил в школу охотно, но с плохими результатами. Меня никто не понимал и меня всегда повышали по рекомендации, поэтому мама была спокойна, что меня всегда заставляли учиться. Меня устраивала только кошка, пока однажды пьяный дядя не вернулся из деревни с

какой-то требухой, и животное взяло кусок, чтобы накормить себя. Взяв оставленный солдатами мушкет, он убил его на открытой местности. Для меня это было большим разочарованием.

Во время молотьбы я шел и собирал зерна пшеницы и ячменя, оставшиеся на соседском дворе, складывал их в мешок и относил на речную мельницу синьоры Тиндары. Я тогда привезла муку в Новару к двоюродной сестре моей матери, которая по профессии, будучи вдовой с двумя маленькими детьми, по утрам ходила собирать дрова в лес и топила печь, чтобы приготовить хлеб для того, кто принес ей муку, получая немного денег и немного хлеба для детей.

В сентябре, когда созрели фиги, я лазила по деревьям и собирала вкусные плоды, складывая их в тростниковые корзины, подвешенные к веткам с помощью крючка. Инжир срезали и оставляли сушиться на солнце на трости. Через несколько дней они стали сухими. Посаженные в большие корзины, их ели зимой. В те добрые времена синьора Мария, соседка по деревне, приезжала за сушеным инжиром. Я часто ходил к ней. Она была многодетной матерью. Один из них, Кармело, страдал эпилепсией. Иногда его уже нельзя было найти. Обеспокоенная мать пошла его искать, и я почти развлекался с ней.

Когда я учился в пятом классе, учительница попросила сообщить родителям, что поведет нас в кино на фильм "Маленький альпийский мальчик". Дяди: "Вы не ходите смотреть эту грязь". Племянник священника напротив слышал: "Вы должны послать ее, я тоже не видел". Потом они были перемещены, и я смог пойти.

Пришла посылка от мамы со сладостями. Я принес несколько в школу. Это было время голода, и конфет тоже не

хватало. Сестра моего учителя преподавала в четвертом классе, когда я был в пятом классе. Она попросила конфет для более бедной девочки, чем я, которая была больна, и я оставил их все для нее.

В 1945 году мой отец вернулся в Домодоссолу. Я снова увидел его в апреле 1946 года, и с ним была моя мать, которая ждала ребенка.

Я провел десять счастливых дней с родителями. Я часто ездил в гости к бабушке с дедушкой и дядям, поэтому ел сколько хотел и пил много газировки от бабушки, которая их продавала. В конце концов моя мать хотела взять меня с собой в Верхнюю Италию, но тетка, всегда лживая и эгоистичная, убедила ее оставить меня с собой. Я учился в пятом классе, всегда с трудом, учитывая мою хрупкость. В дни экзаменов пришло известие о рождении младшего брата. Всем доволен, но жаль одновременно я плакала и от радости и от боли. Может быть, по этой причине учительница повысила меня, хотя и не открывала рта по поводу экзаменов. В том же году в селе открыли гимназическую секцию, и почти все мои товарищи подготовились к вступительным экзаменам, чтобы туда попасть. Для меня не было никаких возможностей: мои дяди были убеждены, что только совы посещают такую школу. На самом деле после окончания средней школы нужно было ехать в Мессину за мастерами. Мои родители должны были позаботиться о том, чтобы отправить деньги на книги, они не стали бы ходить по магазинам. Я продолжала плакать, потому что хотела продолжить учебу. Затем они предложили мне поступить в профессиональную двухлетку, что-то вроде очень бедной средней школы, которая длится два года. Туда шли самые бедные, во всяком случае я согласился. Ходя взад и вперед,

утром и днем я посещал курс. Школа была смешанной: самые буйные мальчишки поднимали руки на директора, преподававшего математику, они же ставили подножки итальянским и французским учителям. Девушек обучали домашнему хозяйству, а мужчин - сельскохозяйственным понятиям. На самом деле ничему не научились. Моя прибыль заключалась в том, что я была застенчивой и с большой жаждой учиться.

Перед окончанием учебного года учителя подготовили нас к благотворительному театру. Мне пришлось появиться в костюме уличного мальчишки. Плоская кепка дяди была на месте, шорты отсутствовали. Когда я рассказал тетке, она воскликнула: "Хорошо, что вы внесли залог". Я не упал духом: пошел к жене цирюльника Лиезе, чтобы попросить одолжить брюки ее сына. Так что в вечер концерта я оделся уличным мальчишкой под бурные аплодисменты и отчаяние моих дядей, присутствовавших в зале по этому случаю.

К сожалению, эти два года также прошли, и я закончил школу навсегда, думая, что остался таким же невежественным, как и раньше, и даже больше, чем раньше.

Глава шестая - Пожалуйста, прости меня (Звездный свет)

Мне было двенадцать, когда в августе ко мне приехала мама с отцом и младшим братом, которого я увидел впервые. Увидев ее маленькое личико, я был счастлив, и я помню тот день как один из лучших дней в моей жизни. Родители были полны решимости взять меня с собой, чтобы вернуть в школу, но тетка в сотый раз отвлекла их от этой мысли: она бы отдала меня швеей с перспективой хорошо освоить ремесло. Так и случилось, против моей воли. Мои родители уехали, а я остался на Сицилии, как идиот. С тех пор у меня больше не было покоя, и я всегда тайком плакала. Мои дяди говорили, что мои родители, конечно, не любили бы меня так, как они, что они воспитали меня как дочь (дочь, безусловно, прошла бы через те же боли, что и я). Однажды моя тетя пошла к лучшей швее в городе, у которой моя мать также выучилась ремеслу, чтобы спросить ее, не возьмет ли она меня на работу. Швея ответила, что у нее уже восемь девочек и нельзя увеличить число. На следующий день тётя принесла ей несколько яиц, чтобы убедить её, и сказала: - Приходи через месяц, может быть,

кто-то из учеников уезжает в Турин и для твоей племянницы ещё есть свободное место. Пунктуальна, через месяц тётя отправила меня в лабораторию. Барышня, ростом не более метра полутора, приветствовала меня: - Ладно, я беру тебя, потому что мне тебя жалко, я думаю, ты лучше приедешь ко мне, чем останешься в деревне с теткой. -. Он не был полностью неправ, думая так. На следующий день в восемь я представился. - Начинай подметать лабораторию, - сказал он мне, - потом будешь мыть пол. История начала меня бесить. Я принялся за уборку, как мог. Я был маленького роста, мне было двенадцать, а выглядел на восемь.

Я не умела мыть пол: в деревне он был каменный, а в деревне, где была плитка, тетка никогда не мыла ее, чтобы не изнашивать. Я старалась изо всех сил, но швея назвала меня ослом, потому что я плохо стирала. В девять часов прибыли рабочие и стали интересоваться новой causita (маленькой девочкой). Все смотрели на меня с сожалением. Я услышал их речи и упал с облаков, не зная сути жизни. Время от времени мне давали какую-нибудь небольшую работу швеей, которую я делала неохотно, всегда озлобленная тем, что не могу учиться. В этом дне была и положительная сторона: в полдень, не возвращаясь в деревню, я спокойно поела дома, расстелила на столе салфетку, расставила стакан, бутылку с водой и тарелку. Словом, съесть кусок черствого хлеба и сыра я с удовольствием накрыл на стол, как и все обычные люди. После обеда я пошел к соседке, которая была старше меня на девять лет и работала швеей. Она помогла мне открыть глаза на мою наивность. С ней жили ее мать, сестра со слоновьими ногами и еще один инвалид.

Иногда меня приглашали на тарелку супа. Швея попросила

меня помочь ей вышить детскую одежду крестиком. Однажды у меня случился приступ грусти, и я бросил работу на полпути. В другой раз я назло взял пепел из жаровни и рассыпал по лестнице. Они сказали: "Кто Ева Пачча? Я подхватил болезнь?". В конце концов они меня поняли и простили.

Иногда я ходил к монахиням приюта Антониано, чтобы поиграть с девочками-сиротами. Я им немного завидовал, потому что они прожили свои дни в порядке. Они ели за всегда хорошо накрытым столом, затем играли и, наконец, в установленное время посвящали себя служению Богу в молитвах. Я подумал: - Им повезло, у них больше нет родителей, и при этом они хорошо живут с монахинями, а у меня есть родители, но я вынужден жить с этими медвежьими дядями -. Незаметно для них, чтобы избежать последующего утомительного допроса, я время от времени ходил навестить тетю по отцовской линии, которая жила в деревне. Я попросил у нее денег, чтобы отправить письмо ее родителям с просьбой взять меня с собой.

В ноябре каждого года меня водили на ярмарку Сант-Уго, которая проходила в Пьяно-Винья. В этой местности дедушка и бабушка по отцовской линии устроили сарай, где готовили мясо на гриле и колбасы, которые продавали вместе с хорошим бокалом вина. Для меня это была возможность побыть вместе с родственниками по отцовской линии, полакомиться хорошим мясом и выпить цветную газировку, посмотреть на прилавки, торгующие жаровнями, фонарями, глиняными горшками, квартарами и бумбалли.

На следующий день мы снова отправились в Бадию Веккью на праздник Сант-Уго, мессу, небольшое шествие и после этого в магазин моих бабушек и дедушек, которые

предложили мне колбасу, хлеб и газировку, на этот раз из закрытой бутылки с мяч в помещении.

Однажды перед Рождеством мы поехали в Мессину на 3 дня. Мы спали с родственником. Она мне немного не нравилась: она говорила своим дядям, что украла яйца у бабы на базаре, чем ее отвлекла. Из катехизиса я узнал, что нельзя красть. С дочерью вечером мы пошли к господину, который строил фигурки. Чтобы быть щедрым, мои дяди дали мне денег, чтобы купить их. На помазанном столе Кастрангии я смог соорудить ясли. Из веток спаржи и хлопьев хлопка я построил хижину. Вечером я наслаждался атмосферой двух свечей, созданных из скорлупы грецких орехов, пропитанных маслом, и куска веревки рядом с Младенцем Иисусом. Дядя Микеле тоже оценил идею и хотел наградить меня: "Нтойя, очисти две опунции", а тётя пошла забрать их под кровать, где они и хранились.

Когда я остановился спать один в Новаре, во время рождественской новенны я пошел с моей соседкой Антониеттой на службу, которая состоялась в 5 утра в церкви Аннунциата. В задней части церкви пономарь предоставил стулья за плату. Мы принесли их из дома. На обратном пути мы посетили Каролину, прачку инженера, которая уже рано утром работала под лестницей. К тому времени она уже пошла набирать воды из фонтана Сан-Франческо большими квартами, чтобы наполнить деревянную кадку. Он сказал: "Кауси, подожди здесь, я пойду посмотрю, не осталось ли у джентльменов печенья вчера вечером, чтобы ты мог позавтракать". Он почти никогда не возвращался с пустыми руками. Я пригласил Антониетту подняться, и мы зажгли жаровню. Когда Каролина не нашла, что поесть, я пошла на кухню за куском черствого хлеба и стаканом воды у

"бумбаэлло". До 8 часов мы остановились, чтобы сделать салфетки, потом попрощались: я пошла в мастерскую, Антониетта пошла к себе домой, чтобы помочь матери, единственной дочери из 8 братьев и сестер.

В одной только Новаре я чувствовал себя гражданином. Когда я приехал в гости к дедушке Тури, я помыл ему окна, и он дал мне "среа" (чаевые). Пошла покупать лак для ногтей. Я также купил растворитель, чтобы удалить его, когда я почувствовал, что встречу своих дядей. В качестве пудры для лица я использовала тальк. Увы: однажды я оставил его на лице и прошел через свои беды, пощечины и оскорбления. - Откуда у тебя деньги на это дерьмо? А я: "Разве ты не видишь, что это мука?". Тем временем соседи переехали в другой район. Однажды они пригласили меня пойти в цирк. "У меня нет денег...", - сказал я. Они одолжили их мне. Днем я пошел в лабораторию, чтобы насладиться представлением: обезьяны на трапеции, дети на лошадях, слоны, клоуны, невиданные прежде вещи. К сожалению, мне пришлось получить 8 лир.

Несколько дней спустя, по пути в Кастранджу, в Сан-Сальваторе я встретил мать своего одноклассника с полной сумкой овощей, купленных у фермеров. Он спросил меня, могу ли я вернуться в деревню (для менталитета того времени ему было стыдно идти на площадь с мешком!). Я согласился, думая, что смогу наскрести немного денег на чаевые. К сожалению, с трудом добравшись до своего дома, она наградила меня четырьмя арахисом. Я не упал духом. Я получил лиру, продав салфетку даме из Фантины. Я построил картонного Пиноккио с ногами и руками, которые двигались на веревочке. Некоторые дети покупали их за копейки. Еще одна идея: солнцезащитные очки для бедных

детей. Я искал прозрачные цветные фантики перед барами. С помощью сахарной бумаги я вырезал рамку и смог восстановить остальные центы. Через два месяца мне удалось вернуть 8 лир.

Несмотря на преклонный возраст, дед страдал астмой и грыжей, которые носил с пятилетнего возраста, старался отвлечься в деревне, так как дочь почти не ездила к нему в гости. У него все было хорошо в течение двух летних месяцев, когда из Мессины приехала его невестка: она постирала его белье и обыскала дом, чтобы очистить его от всего, что накопилось за год.

Когда мы встречались, она говорила мне: "Ваша тетка позорная, вы не можете заставить бедного старика так страдать в грязи". Вечером пошла докладывать, а тетка раскритиковала невестку: - Гражданка, сама может думать, что хочет. А я возразил: "Ты прав, я видел, как ты чистишь: ты даже писсуар кислотой помыл, и он снова блестит". В этот момент он дал мне пощечину, потому что мы не должны говорить об этих вещах, и я был отвратительным.

Однажды дедушка дал мне денег, и я купил песенник, о котором говорили девочки в мастерской. Какое-то время мне удавалось это скрывать, но в один из вечеров я не успел и дядя, поняв это, начал ругаться: "Даже эта мерзкая дрянь, теперь ты становишься хулиганом". При этих словах я разорвал его на его лице раньше, чем он. Перед лицом моего бунта он больше не видел, он спустил пояс своих брюк и начал жестоко избивать меня. Мне было около тринадцати, и это был единственный раз, когда он сказал своей жене: "Я слышал, что одна дама уезжает в Верхнюю Италию, чтобы сопровождать вашу племянницу в деревню и отправить ее с ней к ее родителям". В этот момент я почувствовал себя

счастливым, я также забыл о боли перенесенных побоев, тогда я пошел и задумчиво сел на траву. Темнело, подумал я, когда ночные тени проникли в ветви деревьев, а с реки дул легкий холодный ветер.

Я прислонился к ореховому дереву и заснул, глядя на облака. Мне много снилось, рой разноцветных снов. Легкий ветерок ласкал мое лицо. Я открыл глаза и странно полюбил это место, которое всегда ненавидел, и впервые с удивлением понял, что оно освещено только светом звезд. Я позволил себе уйти в этом состоянии покинутости, я снова мечтал. Счастье, как таинственная жидкость, капля за каплей вливалось в мое маленькое существо. Я не была милой маленькой девочкой. Мои ноги были морщинистыми от хождения по острым камешкам ручья, но все мое тело и даже моя душа уже привыкли ненавидеть все, что могло казаться сладким и нежным. Но я признаюсь, что тот краткий сон в тот вечер был прекрасен, и я больше никогда его не забывал. Может быть, поэтому я до сих пор это помню. Внезапно чья-то рука легла мне на плечо, подошла тетя Антония и по-своему резко разбудила меня: "Пойдем домой. Когда мы доберемся, ты поцелуешь дяде руку и скажешь ему: "Пожалуйста, прости меня". Так оно и было.

В тот вечер я легла, дрожа, не могла спать по ночам и провела часы в судорожном ожидании дня. Если я засыпал, сам того не сознавая, то вдруг вздрагивал, как по зову или уколу совести, которая требовала от меня бодрствования и боли и не давала мне передышки. Остальное время я проводил с открытыми глазами, разглядывая чудовищ, которых мрак ночи рисовал на стенах, и, не имея сил что-либо сделать, плакал и плакал. Но это был не грустный крик, это было что-то еще, чего я не мог расслышать. На

следующий день я не пошел в лабораторию, потому что мое тело было похоже на карту, оно было в синяках. Я вернулся только через неделю, когда следы начали исчезать.

Глава седьмая. Эмилия

В воскресенье днем я пошла в приют с друзьями: монахиня очень мило объяснила нам Евангелие с некоторыми уместными шутками. Какая радость провести этот час в радости. Однажды он сказал нам, что в октябре на конфирмацию приедет епископ Мессинский.

- Поднимите руку, если хотите совершить это таинство, чтобы я мог сообщить его протоиерею монсеньору Сальваторе Аббадессе, - не зная, что делать, я робко поднял руку. Через несколько дней я сказал Зизи. Она смутилась: ей пришлось искать крестную мать. Я сделал предложение дочери почтальона, мисс Рине, молодой учительнице. Как мы можем спросить его? На следующий день мы поехали к ней домой и она согласилась. 9 октября 1948 г. днем я пошел с друзьями в Материнскую церковь на исповедь. На следующий день утром я пошла к крестной, и она подарила мне ажурный браслет с переплетенными сердечками. Я начал радоваться. В 11 мы пошли в церковь. Приехал епископ и начал служить Святую Мессу. В антракте мы выстроились в центральном нефе, и он по одному утвердил нас. После обедни дяди даже не предложили крестной кофе. Они просто поприветствовали ее, просто назвав ее

"commare".

Помню, в детстве при возвращении из Кастрангии перед приездом в деревню стояла часовня, посвященная Спасителю. Зизи на мгновение останавливались и громко говорили: "О, матери, о, матери...". Я думал, что это молитва. Когда я стал старше, я понял, что вместо этого она звала свою покойную мать, так как кладбище находится как раз над часовней. Я никогда не был на кладбище, потому что Зизы даже не ходил на праздник святых. Я знал, что по этому случаю люди покупали цветы у синьорины Синьорино в месте под названием "Фусаделло" и почти процессией шли украшать могилы своих близких. Однажды я предложил Зизы: "Почему бы нам не съездить и на могилу твоей матери?"

Она ответила, что будет сожалеть. - Бесполезно взывать к "матери-матери", если ты не хочешь принести ей даже цветок. - При этих словах он почти растрогался. Мы поехали в Фуссаделло купить хризантем. В День Всех Святых я пошла звать деда Тури, чтобы он отвез нас на могилу "матери", для меня бабушки Розы. Дедушка недавно восстановил эту могилу, потому что в военное время единственная бомба, сброшенная на кладбище, разрушила ее.

Хотя я и горжусь тем, что выиграл еще одну битву, я день и ночь думал о своих родителях. Я пытался отвлечься, когда был в лаборатории. Я стала с удовольствием шить: готовила вату для подплечников, дула на угольный утюг. Когда утюг был горячим, большие девочки гладили детали, чтобы сделать одежду. Для натяжения принято было класть на край свинцовые грузила, вшитые между двумя лентами. Раньше я покупал их у своего кума, который продавал материал для

винтовок. Это были шарики, которые мне приходилось расплющивать молотком. Иногда я даже расплющиваю пальцы... Тем временем миссис Орландо проводила платные курсы стрижки для девочек постарше. Я сидел далеко, но напрягал слух, чтобы понять что-то из уроков. Однажды дяди сказали, что мы поедем в Фантину, чтобы найти "commare" и "compare", тех, кто, приезжая в Новару по важным делам, спал с нами. Однажды крестная спросила Зизи: "Сколько тебе лет?" И zizì: - Mi orbu da vista i l'occhi, nun mi riguordo - (если у меня не было зрения, то я не помню).

По наводке дедушки Тури я пошла купить кусок зеленой ткани, чтобы проверить свои способности, сшила юбку. Наступил день отъезда в Фантину (два часа ходьбы). Мы встали в 4. Я хотела удивить Зизи, надев юбку. Он был настолько узок, что я едва мог идти. Когда они увидели мое творение, они стали говорить: - Мы его вырастили, а теперь, когда он начал подрастать, это кокетка. Это заставляет нас стыдиться. И я указал: "Я не буду - сними это, если хочешь, вот так, а то иди!" Но в душе думала "как я могу ходить в такой узкой юбке...". Мы все-таки прибыли к месту назначения. Товарищ спросил, где я заказала такую красивую юбку. - Sa figi illa - (она это сделала) сказала Зизи. - Поэтому, когда нам нужно что-то сшить, мы приходим к ней. Гордость совы...

Иногда в деревне я видел вещи, которые меня огорчали. Эмилия была глухонемой, возможно, бездомной. Большинство дней он проходил по улице, где я жил. Если он встречал кого-то, то подносил руку ко рту. Иногда люди предлагали ей кусок хлеба, но были и такие, которые беспринципно давали ей корки сыра, а потом прятались, чтобы увидеть реакцию: бедняжка села на ступеньку двери и

ударилась головой о стену. Однажды, зайдя в магазин за нитками, я услышал громкий голос слепого Антонио. Из аббатства, расположенного в верхней части города, он сообщил, что прибыли сардины. С несколькими лирами из чаевых моего деда, которые у меня остались, я пошел к торговцу рыбой, чтобы купить пару унций. В полдень я разжег печь углями, приготовил сардины и положил их в кусок сахарной бумаги. Когда я увидел, что Эмилия проходит мимо, я отдал их ей. Она посмотрела на них с изумлением и слегка улыбнулась, чтобы поблагодарить меня. Я видел, как она сидела в обычном дверном проеме, не бьясь головой о стену, а поднося свои тонкие пальцы ко рту. В тот день я не ел: мне пришлось счищать оставшиеся угли с плиты, чтобы не дать дяде понять мою инициативу.

Анжела прошла по этой дороге около полудня со своим сыном Нино, инвалидом, который ходил, но говорил жестами. Они пошли с ведром за супом в приют. Однажды Нино был один со своим ведром, возле моего дома двое мальчишек раздели его и убежали. Он не мог натянуть штаны. Он был без нижнего белья. Я робко спустился вниз, чтобы одеть его. Это был первый раз, когда я увидел голого мужчину. Горе, если бы дяди знали, был бы скандал.

В одном из многочисленных писем, отправленных родителям, я выразил желание приобрести наручные часы. Узнав, что синьора Агостина приехала из Домодоссолы, я отправился к ней. Как только он увидел меня, он обнял меня и дал мне посылку, присланную моими родителями. Я открыла его и к своему удивлению обнаружила коричневую овечью шубку с завитками размером с палец, фетровую шляпу и коробку с часами. Я дрожал от радости, когда дама поправила его на моем запястье. Он дал мне стакан воды,

чтобы прийти в себя, и побежал домой. На следующий день, когда мои дяди приехали в Новару, они сказали, что, если я надену эту шубу, они сочтут меня сумасшедшим: ни у кого в городе ничего подобного не было. Тем не менее, я носил его с гордостью. Я отдернул рукав, чтобы все заметили часы. Я часто давал ему веревку, так что в скором времени она порвалась. По пути в Кастрангию я встретил пожилых людей, которые спросили, сколько времени. Чтобы не произвести дурного впечатления, я посмотрел на теперь непоправимо сломанные часы и сказал, что забыл их завести. - Спасибо вам самим. Они поприветствовали меня и продолжили свой путь.

По сравнению с моими друзьями я был маленьким и худым, они все были "развитыми". В письме моя мать спросила Зизи, "развита" ли я, как моя сестра Роза. Но для Зизи говорить об этих вещах было табу. Он не знал, что я знаю о жизни все. Как всегда бунтующий, я сказал ей: "Я не" мисс ", потому что я недоедаю". А она: - Что ты говоришь? Мы всегда вас поддерживали. Однажды вечером я спал в Кастрандже и почувствовал себя плохо. Я был в холодном поту. Думая, что это конец, я помолился, заплакал и вышел в темноте, чтобы помочиться несколько капель. А они: "Если ты еще раз встанешь, я тебя ударю!". Может быть, Мадонна дель Тиндари защитила меня. Я вернулся на соломенную кровать и уснул. На следующий день в лаборатории в Новаре синьорина Ассунта увидела меня бледнее обычного. Когда официантка принесла ей кофе и молоко с поджаренными ломтиками, как она делает это каждое утро, она предложила и мне.

Глава восьмая - Полет ласточек

Проведя много времени в Новаре, мне показалось, что жизнь изменилась: может быть, потому, что я поехал навестить дедушку Тури и с удовольствием болтал с ним непрерывно целыми днями. Он рассказал мне много историй из своей жизни и о том, как трудно было когда-то его существование. Кроме того, живя в Новаре, я имел возможность быть свидетелем важных событий, происходящих в городе. Прежде всего меня волновали великие религиозные обряды, процессии, крещения, конфирмации, но больше всего свадебные церемонии. Тогда свадьбы праздновали вечером, я почти всегда ходил пообедать с друзьями в церковь Сан-Никола.

Однажды вечером я увидел, как невеста в белом платье вышла в сопровождении отца. Белая как снег, она была похожа на куклу, она была так прекрасна! Именно Кармелина вышла замуж за Филиппо. Я полностью отождествился с

собой и мечтал: "Кто знает, может быть, однажды настанет и моя очередь...".

В те дни у меня были странные ощущения, в воздухе было что-то новое и странное, у меня были предчувствия. Я был беспокойным и ждал экстраординарного события. И действительно, событие не заставило себя долго ждать. Около полудня обычно приходил почтальон. Однажды в июне я слышу его разглагольствующий голос: "Кампо, это почта". Я взял письмо, оно пришло из... Домодоссолы! Мать написала сестре.

Я резко открыл его, пока чуть не сорвал, и прочитал, там была новость, которую я ждал всю жизнь: около 12 сентября моя мама приедет на Сицилию, чтобы забрать меня и увезти на север! К тому времени я была молодой леди, меня ждало будущее, и мне нужно было найти работу. Зная реакцию моей тетушки, я из осторожности спрятал письмо на дно банки, в которой было море всякой всячины: если бы Зизи читала его, бедняжка... не работал в деревнях в Новаре. Иногда он приходил вместе с Зизы и, встревоженный, говорил: "Твоя мама давно не писала, должно быть, с ней что-то случилось...". Я же, наоборот, боялся, что придет еще одно письмо с какими-то намеками. Однажды, действительно, один прибыл, но, к счастью, без намека на поездку на Сицилию. Лето ускользало для меня медленно, я не мог дождаться, когда закончится это спазматическое ожидание. Работа помогла мне перестать думать и скоротать время, отделявшее меня от приезда мамы. На праздник Успения 15 августа всем хотелось блеснуть своей элегантностью, а в лаборатории всегда было чем заняться, больше обычного: многие дамы хотели блеснуть своим новым платьем. 13 августа был посвящен работницам,

которые могли сами сшить себе одежду.

Я попросил Зизи купить вещи, чтобы быть наравне с друзьями. Она согласилась, и я выбрал дешевую бежевую ткань с голубыми узлами. Барышня в мастерской вырезала его для меня и поручила пожилому работнику помочь мне его сшить. В день вечеринки у меня было новое платье, как у всех.

Были и знакомые, приехавшие из Фантины. Один из них видел мою знаменитую узкую юбку. Он принес кусок ткани и попросил Зизи: "Твоя племянница должна сшить мне платье, она такая хорошенькая!". Я снял с нее мерки. Я имел в виду модель, которую синьорина Ассунта сделала для клиента. Я попросил немного времени, чтобы разрезать его и попробовать. "Хорошо, ткань немного тяжеловата, подходит для осени. Я приеду примерно 20 сентября".

Тем временем Кармелина, девушка из мастерской, пригласила всех своих друзей на свою свадьбу, отпразднованную одним сентябрьским вечером в церкви Матрицы. С разрешения Зизи я пошел на церемонию. Среди гостей была и дама из Домодоссолы, объявившая о скором отъезде: "Кончеттина, ваши дни в Новаре сочтены. Мама скоро приедет за вами".

После обильного угощения я вернулся домой довольный. Шли дни, и наступил праздник Тиндари 8 сентября, в этом году очень длинный маршрут, который петлял по фьюмаре, уже не казался таким тяжелым и бесконечным, как в первый раз, мне казалось, что я лечу. Вернувшись в Кастранджу, я сообщил Зизи, что останусь на несколько дней под выдуманным предлогом, что лаборатория будет закрыта до 12. В то утро мое сердце колотилось. Мы набрали инжира, чтобы отнести его соседу, и направились в Новару. На

полпути я увидел издалека свою мать, спускавшуюся по тропе мулов. Я подбежал к ней и обнял ее со всей силой, что была в моих маленьких ручонках. Зизи начал кричать: "Почему ты пришел внезапно? Как ты думаешь, ты сможешь забрать Кончеттину с собой?" "Да, - ответила мать, - мы уезжаем через три дня". - Нельзя, он должен приготовить платье для дамы из Фантины. Это был еще один предлог, чтобы удержать меня. Он все время кричал. Я бесстрастно касался неба пальцем. Я сожалел бы только о том, что больше не смогу навещать дедушку Тури.

Вечером 14-го мы поужинали. Зизи открыл рот только для того, чтобы оскорбить мою маму: "Какая ты мужественная, забираешь ее у меня, у тебя нет сердца, ты заставляешь меня слишком много страдать, я больше не считаю тебя сестрой". Я впервые увидел Микелильо со слезами. Под его грубой и твердой, как дерево, оболочкой, видимо, осталось заключенным несколько капель человечности. Я, с другой стороны, стал холоден как мрамор и совершенно не тронут.

Я не сомкнул глаз по ночам, тысячи мыслей хаотично гонялись друг за другом, и я не мог дождаться утра, чтобы уйти. Мать заказала такси у джентльмена по прозвищу "cauzi i wolf" (волчьи штаны). На рассвете мы встали, последний штрих к картонному чемодану и приветствие дядям. Моя тетка при отъезде вышла из своей комнаты в слезах, с распущенными волосами, и бросилась к ногам моей матери, умоляя: "Сейчас я убью себя, и смерть будет на твоей совести до конца жизни! Пожалуйста, тебя я прошу на коленях, - сказала она, - я всего лишь бедная женщина, одинокая и обращенная, как скотина, ложным мужем, никто меня не любит. Сестра моя, прошу тебя, не отнимай ее у меня, помилуй, ты не имеешь права оставить меня в покое,

она росла у нас как цветок и теперь никакой благодарности!"

С растрепанными волосами и мокрым от грязи лицом он стучал по земле, проклиная всю вселенную. Моя мать поняла, что ее сестра стала опасной и сходит с ума, сходит с ума. Однако она не шевелилась, не давала себя растрогать, была глуха к своему бреду, смотрела вдаль и ждала конца своей драмы. Когда моя тетя поняла, что моя мать была непреклонна, она бросилась в свою комнату, отказывая нам в последнем прощании. Внезапно мы ушли, она вернулась, ругаясь на улице, когда мы уходили, мы видели, как она уменьшалась, пока не превратилась в маленький черный шарик, который слился с камнями. Может быть, я был жесток к ней, как умеют быть только дети, но я помню, что когда я шел прочь от ее дома, защищенный рукой моей матери, когда я увидел, что она вот-вот исчезнет из моих глаз, вся моя обида вдруг превратилась в привязанность, и я почувствовал к ней чувство сострадания (позже я узнал, что Зизи несколько месяцев оплакивал меня на улицах, как если бы я умер).

На площади Бертолами двери такси открылись. Из окна я приветствовал всех, кого видел до конца страны. Во время пути я с болью в сердце наблюдал за пейзажем и городом, который медленно удалялся от моего взгляда, мы долго молчали, пока я не увидел море. К настоящему времени я был далеко от Новары, определенно! Противоположные мысли боролись в моей голове и я не могла их контролировать, потом я проснулась, когда мама погладила меня и предупредила, что мы приехали. Тогда я сильно полюбил ту страну, которую так долго ненавидел из-за той печальной жизни, которую вел. На станции Вильяторе была большая неразбериха, многие, как и мы, уезжали на север со

своими картонными чемоданами и прочими сумками.

Слабый ветерок дул с моря, и я почувствовал соленый привкус на губах. Хорошее чувство, которое я испытал впервые. Мы ждали поезд полчаса. Для меня это был новый воздух. Люди пели популярную песню "Профессор, скажите, что было раньше, курица или яйцо". Все возвращались из отпуска на континенте. Прибыв в Мессину, я с изумлением увидел, как экипажи садятся на паром. Была середина сентября, и тысячи ласточек кружили в том самом голубом небе над проливом. Своим полетом они вышивали мою мечту: наконец-то вернуться жить к своей семье. Я пытался увидеть Бога в центре этого яркого фона и, даже если не видел его, благодарил его от всего сердца. После бесчисленных часов мы сошли в Риме, чтобы сесть на поезд обратно в Милан, после нескольких часов ожидания, где была еще одна пересадка на Домодоссолу. Это было мечтой. В том поезде моя мать поприветствовала нескольких знакомых. Все спрашивали, откуда она и кто с ней девушка. Они не знали, что у него есть еще одна дочь.

Я наблюдал пейзажи: я с изумлением видел озеро Маджоре и острова, затем горы. Я спросил, сколько осталось до прибытия, зная, что город находится в долине, окруженной горами. Мы прибыли в Домодоссолу поздним утром. Небо было серым, улицы тоже казались окрашенными в темный цвет, люди шли решительным шагом, глядя в землю, даже одежда на них была темной. Папа ждал нас на вокзале с моим младшим братом, которого я видел на Сицилии два года назад. Поцелуи и объятия. По дороге домой я пытался найти то место, которое вскоре станет моим городом. Я пересчитал окна домов, но их было так много, что я сбился со счетов. Слишком много окон и слишком много домов,

стоящих друг напротив друга. Они были так высоки, что мой взгляд потерялся в небе.

У меня закружилась голова. Тысячи вопросов роились в моей голове, жадно приходили и уходили. Во время путешествия я не мог произнести ни слова. Потом дома меня ждало еще одно удивление, когда я увидела своих сестер, которых помнила только по фотографиям. Еще одним сюрпризом стала кухня с раковиной, краном и газовой плитой (в Новаре в доме не было воды и готовили на дровах). Вечером к нам пришла comare Grazia с дочерью Катериной. Со мной хотели познакомиться даже соседи. На следующий вечер папа повел меня в кино. Один из лучших вечеров в моей жизни, который я буду помнить всегда, до последнего дня. Наконец-то я была с отцом, раньше я любила его, как любят отсутствующего отца, теперь я восхищалась им и, наконец, впервые почувствовала себя защищенной, как если бы я была его принцессой. Короче, мне казалось, что я иду над облаками, я приземлился в другой точке вселенной.

Глава девятая. Врата рая

Перед отъездом из Сицилии моя мать успела найти мне работу у скорняка и через два дня сопровождала меня на работу. Мы вышли из дома рано утром: я был очень взволнован этой новостью.

У входа меня встретила мисс Тильда, которая широко улыбнулась и взяла меня за руку, приятная и приятная женщина. Тильда сказала мне по-милански: "Здравствуйте, bela tusa (девушка), пойдемте, я познакомлю вас с девушками, которые со мной работают: Неллой и Терезиной. У них большой опыт, они научат вас работать. проблемы, - добавила она, - не стыдись спрашивать". Так что в мгновение ока я вернулся к своей новой работе.

Я уже чувствовала себя взрослой и в ознаменование этой перемены в жизни белатусы впервые пришла менструация. Она мало что знала об этом предмете, но из историй, которые она слышала от своих старших друзей в Новаре, она поняла, что это был способ превратиться в юную леди. Она

понимала, что ей не нужен был этот сигнал, чтобы быть женщиной: она и так была за все, чему научилась, знала и любила. Это уже не гусеница, а превращение в бабочку. Оно пришло издалека и за несколько минут перешло из одного мира в другой. Она оказалась одна и очень гордилась этим.

Тем временем я начал привыкать к новой работе. Тогда меховые воротники использовались для надевания пальто. Шкурки смачивали губкой и окончательно прибивали к деревянной дощечке, стягивая со всех сторон. Это напомнило мне о том, как в лаборатории на Сицилии я раздавил провода, чтобы положить их на дно одежды. Даже здесь было несколько молоточков на пальцах. Если было немного солнца, их оставляли сушиться в саду у дороги, поэтому мне приходилось следить за драгоценными шкурами персидского ягненка, лисы, норки и крысиного мускуса. Пока я ухаживал за ними, мне нравилось смотреть, как проезжают машины и люди. Я даже вдыхала выхлопные газы машин и пыталась проникнуться этим запахом города, таким новым и опьяняющим для маленькой девочки, выросшей на чистом воздухе. Город пронесся перед моим взором, и я даже потерял счет времени. Отец объяснил мне, что там день делится на часы, а когда я жил в Кастрандже, я знал только восход и закат солнца. Иногда, пока я ухаживал за шкурами, приходила пожилая дама с верхнего этажа и составляла мне компанию. Он говорил на строгом пьемонтском, и я ничего не понял: "Che bela fiola, da ndua ti vegnat (откуда вы)? Cuma ti se ciamat (как вас зовут)?". я линяю. "Ti mi capisat mia (ты не понимаешь)?". Когда шкуры высохли, синьорина Тильде вырезала форму воротников для заказавших их швей.

Постепенно я научилась класть начинку фризеллина, пассафино вокруг нее, а затем подкладку. Благодаря своим

способностям я стал получать свои еженедельные карманные деньги и вскоре сравнялся с пенсионными отметками. Я чувствовал себя больше. В лаборатории было радио: я с удовольствием слушал песни. В то время холодильники не были широко распространены, но у молодой леди был холодильник, который она наполняла глыбами льда, доставленными джентльменом, который проезжал с тележкой по улицам города. Для меня пить такую пресную воду было в новинку. Недорогая дровяная печь отапливала дом. У него не было телефона, но когда ему нужно было звонить клиентам, он отправлял меня к своей тете, которая владела строительной фирмой с несколькими рабочими. Среди таких, случайно, я увидел впервые... Но это уже другая история, которую, если у меня будет время и желание, я расскажу позже.

Дома я хорошо поел, вечером мы пошли осматривать центр города с его каменными крышами и магазинами с красивыми витринами. По субботам я ходил с мамой на рынок, занимающий большую часть центра, когда уходил с работы около полудня. Мы купили ткань, чтобы сшить мне пальто. Оно было квадратным. Я открыл его, прихорашиваясь на полуночной мессе на Рождество. Одним словом, счастливая жизнь.

Пришел карнавал. Мы присутствовали с семьей, близкой к вечеринке в театре Галлетти. Мечтаю увидеть балы-маскарады среди игр фосфоресцирующих огней.

В следующую субботу, когда я встал, было что-то не так. Я плакал, потому что моя мама не дала мне магнезию Сан-Пеллегрино. Его двоюродный брат прибыл из Мартиньи. Он обедал с нами. Днем я чувствовал себя странно, казалось, что мое счастье заканчивается. Папа проводил

двоюродного брата до поезда, потом мы поужинали.

В тот вечер мы не пошли гулять. Папа сказал маме: "Я иду в гости к друзьям в бар". Около 10 часов вечера он вернулся домой стонущий и тяжело дышащий, с бледным лицом, окаменевшим от сильной боли в груди. "Тереза, приготовь мне ромашковый чай". Пока папа задыхался на кровати, я побежала с тётей вызывать врача за 50 метров. Он пришел немедленно, а отец тем временем перестал жить. Позже мы узнали, что аорта лопнула. Делать все равно было бы нечего, папа прошел через райские врата и улетел в рай. Это было 17 февраля 1951 года. Всю ночь я смотрел на беспомощное тело отца. У меня кружилась голова, смесь мигрени и головокружения, которая чуть не унесла меня из той комнаты, где все предметы стали ненавистны, потому что они были свидетелями несправедливой смерти. Я никогда не переставал думать об отце и жестокой судьбе, ожидавшей меня в Домодоссоле, слезы уже не могли течь из моих глаз, потому что они стали сухими от плача. Тот Бог, которого я представлял себе, отправляясь в ослепительном свете Мессинского пролива, где он прятался? Почему он бросил нас? Почему он так обманул меня? Почему теперь, когда я нашел своего отца, он навсегда был у меня отнят? В чем был смысл этой трагедии? Теперь, когда Бог здесь, в Домодоссоле, казался другим, далеким, неуловимым, он казался сотворенным из тьмы, неуловимым и неосязаемым, горьким, Богом, которого я больше не знал, доверять ли ему снова или игнорировать его до конца моих дней. Ночами и ночами я молчал, бдя с напряженными глазами в темноте, почти надеясь, что с наступлением дня все вернется на круги своя. В те мучительные дни, когда моя семья находилась на краю пропасти, я понял, что в раю нет места для маленьких

девочек.

В одну из таких ночей, в ранние утренние часы я рухнула и после мучительного сна погрузилась в сладкий сон: я очутилась на озере, потом мне явился отец с глазами и лицом, погруженным в небесный свет. Теперь ее лицо больше не страдало и снова было прекрасно. Он мягко улыбнулся мне, взял меня за руку, обнял и начал со мной разговаривать. "Дитя мое, - сказал он, - то, что я хочу сказать тебе сейчас, это моя любовь, все хорошее, что я хочу от тебя. Обстоятельства таковы, что мы не знаем друг друга. Я очень сожалею, что не видел, как ты росла..." .

Иногда я думаю об этом сне и о моем последнем путешествии, я думаю о том, когда Господь позовет меня, мне нравится представлять, что, когда я переступаю дверь рая, меня ждет мой папа, одетый так, как в ту ночь, когда он отвел меня в кино: нам с ним есть о чем рассказать друг другу, нам предстоит продолжить тот разговор, навеки прерванный той холодной февральской ночью. Думаю, это был бы лучший способ начать мое последнее путешествие.

Мама осталась в отчаянии с четырьмя детьми и без пенсии, потому что папа был простым сапожником. Весь холод и вся боль мира обрушились на нашу бедную семью эмигрантов.

Вдали от нашей земли, вдали от жизни мы были песчинками, уносимыми ветром пустыни.

Моя мать потеряла себя и всю свою душу. Она стала пустой оболочкой. Тело его сжалось, как деревяшка, он все худел, а его растерянный взгляд на бледном и невыразительном лице целые минуты устремлялся на дальнюю точку, на папину могилу. Она стала похожа на призрак, одержимый невозможностью забыть. Я чувствовал момент, когда она упадет и погрузится в безнадежность без выхода. Я пытался

встряхнуть ее, я разговаривал с ней, пытаясь ее подбодрить. Невероятно, но роли полностью поменялись: именно дочь утешала свою мать, рассказывая ей истории, чтобы подготовить ее к жизни без мужа и помочь ей забыться. Мне, старшей дочери, еще не исполнилось 15 лет.

После обеда я вернулся к меховщику, чтобы наскрести еще несколько лир. Я был тем, кто пытался сохранить пламя надежды. Но в конце концов мама, не знаю как, может быть, с силой отчаяния, между криком и криком, взвалила на свои плечи весь мир и потихоньку снова стала швеей, шила какие-то юбки и халаты. .

Глава десятая - Прекрасная туса

В мае того же года мой младший брат заболел корью, и я тоже заболел, не заразившись ею в детстве. Пока я лежала в постели, я услышала, как моя мама открыла дверь. Кто-то позвонил в звонок. Потом я услышал голос Зизи и Мичерилло. Я волновалась: раньше меня никогда не водили в Домодоссолу к родителям, а теперь объявились. Они пробыли там около недели, а потом уехали немного разочарованными, так как надеялись, что я вернусь с ними на Сицилию. В ноябре пришло письмо в черной рамке. Мама встревожилась, открывая ее рука тряслась. Я видел, как она плакала: Зизи объявил о смерти дедушки Тури. Они нашли его мертвым в сельской местности Бордонаро 8 ноября. Ему было 87 лет. На следующий год произошло еще одно, еще большее разочарование, когда по воле случая следствие привело к причине смерти от удушья платком в горле, найденной при эксгумации. Преступление было совершено

женщиной вместе с братом, соседями по даче, с целью кражи пенсии в размере 11 000 лир. Позже они отсидели за нее 24 года тюрьмы и 12 лет за участие в соревнованиях.

Я продолжал грустить. С небольшими деньгами 5 человек не могли прожить. Мисс Тильде порекомендовала фиктивное увольнение, чтобы я мог зарегистрироваться в бюро по трудоустройству. Я часто заходил проверить, есть ли работа, но надежд было мало. В апреле 1953 года я узнал, что на завод наняли девушек. У них не было нужды, у их отцов уже было занятие. Поэтому я пошел в офис протестовать: мне нужно работать больше, чем другим. В мае я, наконец, попал на фабрику, где производили резинки, шнурки для обуви, ленты, трубки для электрических проводов. Тяжелая работа с еженедельными сменами 6-13 и 13-21. В перерывах я также ходил к меховщику, чтобы собрать свою зарплату и немного облегчить маме жизнь.

Пришел август. На каникулы комаре Грация пришлось отправиться на Сицилию, чтобы навестить свою престарелую мать. Я тоже решила уехать с дочерью Катериной. Мы уехали поездом в Милан, а затем в Рим, куда прибыли ночью. Нам пришлось ждать несколько часов поезда на Сицилию.

На станции мы нашли односельчан, среди которых карлик-актер из Новары Сальваторе Фурнари и солдат, имени которого я не помню. Пока синьора Грация отдыхала на скамейке, нас с Катериной пригласили на прогулку. Они отвезли нас на площадь Эседра, чтобы поесть моттарелло. Казалось, оно начало оживать.

Когда прибыл уже переполненный поезд, синьора Грация поспешила с двумя большими сумками. Поезд не остановился полностью, и она упала на рельсы. Екатерина, я и вся толпа взывали к Вечному Отцу, когда вытаскивали ее, всю в синяках, но чудом живую. От госпитализации она отказалась. Через час поезд ушел. Еще до полудня мы прибыли на станцию Terme Vigliatore, где сели на автобус, следующий в Новару Сицилию, гостей Зизи и Мичерилло.

Они встретили нас как почетных гостей. Ночь, все трое на большой кровати, мы с Катериной не сомкнули глаз. Синьора Грация была полна боли. В ту же ночь был сюрприз: какие-то молодые люди спели нам серенаду под гитару и скрипку, но дядя Мичерилло, раздосадованный, заставил их убежать.

Мать Катерины большую часть времени проводила в постели. Она выходила только два раза за десять дней, чтобы навестить свою пожилую мать. Днем я пошел навестить своих одноклассников и друзей из лаборатории. Однажды я тоже увидела одноклассницу, которая подошла обнять меня. Он держал за руку велосипед, и я попросил его прокатить меня. В то время в Новаре никогда не видели девушку на велосипеде. Как только Зизи узнала об этом, она отругала меня: "Ты стал совой, я бы никогда не подумала о таких вещах".

Вернувшись в Домодоссолу, синьора Грация с трудом поправлялась. После этого падения взяли верх артрозные

боли. Она осмелела только тогда, когда пошла с семьей на какую-то вечеринку, куда меня тоже пригласили.

Я вернулся к работе на фабрике и меховщику, но мне нужны были новые впечатления. Однажды во время посещения прихода Сан-Джервазио и Протасио ко мне подошел дон Джузеппе Бенетти, чтобы задать несколько вопросов. Я доверил ему все свои печали. Он подбодрил меня и сказал мне: "В воскресенье днем приходи в молельню. Там вы найдете президента "Католического действия" мисс Герману, которая познакомит вас с девушками и даст много полезных советов". Я сразу почувствовал себя не в своей тарелке: с некоторой застенчивостью стал заводить друзей. Я боялся, что не смогу говорить, но с божьей помощью преодолел первые трудности. Я с удовольствием читал газету ассоциации, восхищаясь основателем Армидой Барелли: благодаря ей моя жизнь стала лучше. Когда позволяла смена на фабрике, в 7 часов я шел на утреннюю обедню, где познакомился с доном Бенетти, которого считал своим духовным наставником. В воскресенье я вызвался провести час в хорошей пресс-службе перед церковью. Позже меня пригласили в правление ACLI. Со всеми этими обязательствами я чувствовал себя важным и успешным.

Товарищи по заводу считали меня фанатиком, но я не чувствовал себя неловко, наоборот, молился за них и перезванивал, когда перед началом смены они грубо разговаривали в раздевалке.

Глава 11. Фарфоровое лицо

Летом в одно воскресенье президент Немецкой католики организовал поездку в горы. С небольшими деньгами, которые у меня остались, я смог оплатить проезд. Мы приехали на автобусе в Гоглио, потом на фуникулере в Альпе Деверо и потом пешком в Крампиоло. Я созерцал красоту гор, покрытых цветами: рододендроны, лютики, дикие орхидеи. Черника, чтобы полакомиться. Хижины с каменными крышами и деревянными окнами, с подоконников свисают ярко-красные и розовые герани. Я спросил Герману, где заканчивается дорога. "Когда мы устанем, мы остановимся на упакованный ланч". Около часа дня мы остановились, чтобы попить чистой воды, которая спускается со скалы в сторону долины. Поев, помолившись и напев, мы пошли обратно. Я дрожал от радости: такого прекрасного дня я еще не проводил. Дома я все рассказал маме и увидел ее улыбку.

Время от времени я получал письма от друга из Новары, Сицилия: он просил найти ему работу в Домодоссоле, чтобы мы могли встретиться. Я была очень смущена, но счастлива, что кто-то любит меня. Был еще мальчик из Домодоссолы, но он мне не нравился: утром он выпивал рюмку граппы и у него

всегда были красные щеки.

Утренние размышления указали мне дорогу в монастырь, но в то же время мне нравились дети и идея создания семьи. Я доверился воле Божией и проводил воскресные дни в молельне, планируя с друзьями еженедельные задания по катехизису. По некоторым воскресеньям мы ходили в молельни в соседних городах. Поездка на автобусе беспокоила меня, но мужество преодолело несколько небольших болей.

1 мая 1954 года ACLI и ораторское искусство организовали поездку: паломничество в Святилище Мадонны ди Оропа утром и митинг уважаемого пастора в Бьелле днем. Я был одним из первых, кто подписался с моей подругой и ее парнем Пьерино. Выехали 2 автобуса с молодежью. Среди них был застенчивый блондин, которого я где-то уже видел. Это был действительно он: рабочий строительной компании, куда я звонил клиентам скорняка. Пьерино представил его мне: он был его двоюродным братом. Днем он не отводил от меня взгляда. Придя домой, я сказала маме. На следующий вечер я увидел его под балконом комнаты, расположенной на первом этаже. "Мама, мама, иди и посмотри: вот мальчик, которого я встретила в Бьелле". А она с полуулыбкой: "Видно, за тобой ухаживает". На следующий вечер, выйдя с соседом, я застал его перед собой. Робко он спросил, может ли он пойти с нами. Немного поколебавшись, я согласился. Мы растопили лед, поболтав о том о сем. После дневной смены на заводе он отвозил меня домой. Однажды вечером я взял его, чтобы познакомить с матерью, которая приняла его очень хорошо. В свободное время он посещал ораторское искусство. Тогда мальчики и девочки были разделены, только в конце встречи они могли встретиться.

Мы также посещали встречи ACLI.

Хотя моя мама приехала с Сицилии, где два любящих друг друга мальчика не могли гулять поодиночке, она доверилась нам, и мы отправились в безмятежное путешествие. Джузе сказал мне, что встречался с моим отцом: чтобы собрать немного денег, будучи 4 детьми и единственным работающим отцом, в детстве он выполнял поручения финансистов казармы в нескольких шагах от своего дома. Иногда она относила их туфли моему отцу в ремонт. Я слушал с удовольствием.

Он сказал мне еще кое-что: когда я 16 сентября 1950 года проезжал через Рим, чтобы добраться до Домодоссолы, мы виртуально встретились. Джузе, как я его до сих пор называю, приехал на велосипеде на святой год. Авантюрное путешествие: он покинул Домодоссолу вместе со священником из долины, который быстро крутил педали в горных ботинках. Следить за ним было почти невозможно. Он остановился только тогда, когда увидел какой-то огород, чтобы взять салат. На полпути Джузе остался один. По пути он нашел торговца со старым велосипедом, полным хлама, который хотел продать. Они держали компанию до Рима.

Пришел август. Фабрика закрывалась на каникулы, и я решил навестить свою сестру Розу, которая лечилась в горах на озере Мергоццо. Я попросил монахинь, которые содержали дом, остановить меня на несколько дней. Я только что упомянул об этой идее Джузе. В доме были и другие девушки на отдыхе. Среди них косметолог, племянница монахини. Утром 15-го, в праздник Успения, он позвал нас к себе в комнату после мессы, чтобы попрактиковаться. Он залил наши лица различными кремами, тушью и помадой: мы были похожи на восковые

статуи. В обед тетка-монахиня позвонила племяннице: не в том дело, чтобы она так к нам относилась.

Днем, глядя на озеро из окна, я увидел, как появился Джузе. Я не хотел, чтобы меня видели с этим фарфоровым лицом. Увидев меня в дверях, он почти не узнал меня. Я извинился, объяснив, что это был эксперимент, и другие девушки тоже преобразились. Днем мы гуляли в саду дома. Ближе к вечеру он попрощался со мной: "До скорой встречи, в Домодоссоле, но с чистым и свежим лицом, как прежде".

Глава двенадцатая. Фиалки

Когда две недели отпуска закончились, я возобновил работу на фабрике в смену с 13 до 21. Заправляя шпульки в веретена машин, я думал о Джузе, но в то же время не очень хочу его увидеть. В 21 прозвучала сирена, и мое сердце начало колотиться. Проштамповав портфель, выходя из ворот, я увидел в полумраке велосипед. Это был действительно он: он подошел ко мне, застенчиво посмотрел мне в лицо и сказал: "Ты мне нравишься такой простой". Он усадил меня на дуло велосипеда и отвез домой. Мы обменялись простыми пожеланиями спокойной ночи. Это происходило почти каждый день. В воскресенье днем мы совершили несколько велосипедных прогулок по близлежащим деревням. Однажды он взял меня к себе домой, чтобы познакомить со своими отцом и матерью, двумя сестрами и братом. Мало-помалу она также познакомила меня со своими дядями и двоюродными братьями как друга.

Когда моя мама увидела нас с балкона, она заставила нас подняться к дому. В то время как она души не чаяла в этом мальчике, я был очень нерешителен. 8 декабря, в день

Непорочного Зачатия, в день моих именин, прозвенел звонок. Это был флорист, который вручил мне букет красных гвоздик. "Мама, Джузе прислал мне привет!". Какое разочарование, открывая карту: это был не он, а случайно встретившийся 14-летний мальчик. На нем было написано "Я люблю тебя" с подписью. Может, он думал, что я его возраста.

В канун Рождества появился Джузе с большой цветной вазой, полной конфет и поздравительной открыткой. Я поблагодарил его, и мы вместе пошли на полуночную мессу. Вернувшись домой, он сказал мне: "Завтра я должен пойти с семьей пообедать с родственниками. Увидимся снова в Санто-Стефано". Утром 26-го я сказал маме: "Я больше не пойду с этим мальчиком, я верну ему вазу, я не хочу обязательств". А она с суровым видом: "Ты сумасшедший, ты мог бы это сделать, если бы я уже не съела шоколадки".

В последующие дни Джузе, как обычно, приехал забрать меня с работы. На участке дороги пешком или на велосипеде я почти не разговаривал с ним. В день Нового 1955 года я пошел к мессе. Он тоже был там и, наконец, отвез меня домой. В дверях он сказал мне: "Можем ли мы знать, что вы имеете в виду, чтобы заставить меня так страдать?", и у него вырвалась слеза. Эта капля переполнила вазу, и я улыбнулась ему. Он поцеловал меня и сказал: "Сегодня днем я заеду за тобой на вечерню на горе Голгофа. После вечерни в клубе ACLI будет показан фильм". Я согласился, и мы попрощались. Я сообщил об этом дома, и моя мама радостно сказала: "Ты больше никогда не найдешь такого хорошего мальчика".

В 14:00 мы отправились на Голгофу по тропе мулов с часовнями Виа Крусис. Однажды в Святилище мы отпели

всенощную и после освящения пошли в клуб. Я не помню название фильма, но он был очень скучным, поэтому я предложил вернуться в город в кинотеатр Catena, где мы смогли насладиться более качественным фильмом под названием "Виолетта".

В апреле, путешествуя по долине Видеццо и Чентовалли на маленьком поезде, мы с родителями отправились на фестиваль цветочных повозок в Локарно. Мы познакомились с крестным отцом Джузе, который представил меня как "подругу". Он сунул руки в карманы и достал из кошелька 10 швейцарских франков, отдал их Джузе и сказал: "Хорошо, когда ты женишься?". Мы посмотрели друг на друга, мы никогда не говорили об этом.

В последующие дни мы начали культивировать идею женитьбы. Об этом мы говорили и дома. Мама радовалась, но в то же время финансовых возможностей было мало. Понемногу мы купили несколько простыней и немного белья. У нас не было особых потребностей. Мы пошли искать маленькую и скромную квартиру. Мы нашли его в старинном районе Мотта и поэтому назначили день свадьбы: понедельник, 19 сентября. Я пошла с мамой в магазин тканей "Панзараса", чтобы купить кружево для свадебного платья, и отнесла его синьоре Тильде, меховщику, которая всегда обещала мне, что сделает его с любовью.

В ратуше о запрете брака моей матери пришлось расписаться, потому что я был еще несовершеннолетним. Даже родители Джузе были счастливы. В приходе монсеньор Пелланда сказал нам красивые слова ободрения: "Всегда оставайтесь скромными с такой большой верой, чтобы встретить радости и печали, которые приготовила для нас жизнь. Я позволю вам найти красную дорожку вдоль нефа".

Мы должны были подготовить список родственников и друзей, чтобы доставить свадебные сувениры, как обычно. Очень мало гостей. Мать Джузе сказала: "Двое на семью". Постепенно мы достигли 35 человек. Свидетели выбраны: дядя Кармело ди Джузе и для меня Пьерино, создатель нашей встречи. За неделю до свадьбы мужское ораторское искусство во главе с доном Джузеппе Бриакка подготовило для нас вечеринку. Мастер Фурига нарисовал на доске картинку с приветствием и создал пергамент со списком друзей. Был также стол, накрытый выпечкой и газированными напитками. В молельне никогда не было такой вечеринки. Соборная церковь святых Гервазио и Протасио ремонтировалась, и мостовая была полна щебня и камней, но некоторые желающие женщины сделали все возможное, чтобы очистить ее в честь Джузеппе и Кончетты.

16 сентября прибыли Зизи и Мичерилло, тронутые тем, что Кончеттина собиралась выйти замуж, и ему пришлось проводить ее к алтарю вместо ее отца, которого уже не было.

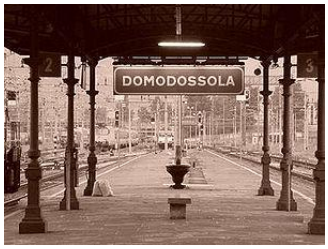
Тем временем прибыли небольшие подарки: кофейник, кофемолка, рюмочки, наборы блюдец и столовых приборов от родственников и друзей, удостоившихся милости, набор кухонной утвари от Пьерино и его дядюшек. Женская католическая акция подарила нам прикроватную картину со Святым Семейством, помощнице дону Бенетти чудесную зеленую вазу для цветов с серебряными украшениями.

Ночь перед Рождеством была длинной. Я подумал о маме, которая осталась с тремя детьми, которые были еще маленькими и у которых было мало средств. "У тебя мало веры, не учила ли тебя школа ораторского искусства, что в жизни всегда есть Промысел?" - сказал я себе. В понедельник 19-го я встал в семь. Синьора Тильде прибыла

в кружевном платье. Она одела меня и поправила фату, которую я купила в Милане. В 9 приехало такси, чтобы отвезти меня в церковь. Я был сбит с толку, я обнаружил море людей, наблюдающих за мной. Джузе уже ждала меня у алтаря с букетом апельсиновых цветов в сопровождении своей сестры Розы, потому что мать Олимпия была бы слишком взволнована предстоящей свадьбой ее первенца. Я присоединился к нему в сопровождении дяди Мичерилло на красной дорожке.

Началась месса. Монсеньор Пелланда тоже был взволнован. Я помню ободряющую проповедь, благословение колец, обещание верности на всю жизнь и, в конце церемонии, подписи. Когда я уходил, мать Пьерино, ставшая к тому же и моей тетей, повесила мне на грудь значок женщин Азионе Каттолика.

Глава тринадцатая - Новая жизнь



После празднования в церкви угощение последовало в баре Grandazzi на улице Кастеллаццо. Между поцелуями и поцелуями у нас был аперитив для гостей с пиццей и выпечкой. Приветствие и особый поцелуй родственникам жены Олимпии и Армандо, которые пошли с мамой за чемоданом, а потом побежали на вокзал, чтобы успеть на поезд в 12:15 для своего медового месяца.

Мама горько плакала. Мы вошли в купе. Начальник станции свистком возвестил об отбытии, а мы с Джузе высунулись в окно, чтобы проститься в последний раз. Приключение нашей жизни началось.

Оказавшись во Флоренции, мы направились к отелю, указанному синьорой Тильдой, меховщиком. У парадного входа нас встретила музыка, затем дворецкий провел нас в комнату на третьем этаже. Для нас все было новым, даже спать на двуспальной кровати.

В первый день мы посетили город, во второй мы отправились на площадь Микеланджело, откуда можно было полюбоваться всей Флоренцией. Мы сделали несколько фотографий: камера Джузе с катушкой пленки могла сделать восемь черно-белых фотографий.

На третий день выезд в Рим. Гостиница была скромнее, потому что денег, отложенных на жертвы, должно было хватить. Мы остановились на пару дней, чтобы посетить четыре базилики, которые Джузе видел во время священного года, и фонтан Треви. Мы также вернулись к фонтану Эседра, тому, что в знаменитую ночь 1953 года, когда синьора Грация попала под поезд.

Пришло время уезжать на Сицилию. После долгого пути поезд прибыл в Калабрию и, наконец, из Виллы Сан-Джованни мы смогли увидеть Сицилию. Джузе наслаждался этими моментами: поезд грузится на паром, Мадоннина наверху у входа в порт Мессины.

На вокзале нас ждал дядя Кармело, брат матери, с женой Гаэтаной и дочерьми Розеттой и Антониеттой.

Они встретили нас как два принца. Мы остановились на два дня, посетив Мессину: соборные часы, которые я видел в детстве, Мадонна ди Монтальто и другие очень красивые площади.

Был в том доме только один изъян: во время обеда дяди и кузины наряжались и вместо того, чтобы сесть за стол, говорили: "Пойдем погуляем вдоль моря". Джузе и я, смирившись, вышли проголодавшись. Около 11 вечера мы пошли домой, и моя тетя начала готовить. Однажды ночью он положил улиток вместе с их раковинами в соус, но дело в привязанности, а не в привычках.

На третий день они провожали нас до поезда со слезами на глазах. Дядя Мичерилло был на станции Терме Вильяторе с таксистом, чтобы добраться до Новары. Зизи, зия Мариччиа и зия Пеппина ждали нас в деревне. Действительно казалось, что прибывают князья Домодоссолы.

На следующий день мы поехали в Бадьявеккью, чтобы

навестить нашу бабушку по отцовской линии Кончетту и дядюшек, сестер и братьев отца. На сквере с табачной лавкой моей бабушки собрались многие жители деревни, знавшие меня ребенком, и громко кричали другим людям: "Кончеттина приехала с мужем!"

Поцелуи, объятия, раскрасневшиеся лица. Мне это казалось сном. Прошло ровно пять лет с тех пор, как я покинул страну.

Через два дня таксист "Каузи и Лупу" отвез нас в Таормину. В полдень он повел нас в ресторан, где нас обслуживали в белых перчатках. Мы с Джузе переглянулись, чтобы сказать: "Нам хватит денег?". Побывав под ливнем в Таормине, а затем в Кастельмоле, к вечеру мы вернулись в Новару, уставшие, но довольные.

На следующий день пора было уже возвращаться в Домодоссолу. Нас ждали обязательства новой жизни.

Глава четырнадцатая - Наши первые гнезда

Хотя я уже отправился в путешествие в Домодоссолу в 50-м и 53-м, это было так, как будто я уехал в первый раз: я направлялся к новой жизни для двоих.

Погрузившись в поезд на пароме, мы поднялись на террасу, чтобы увидеть Мадонну порта и Сицилию, медленно уплывающую прочь.

Со слезами мы вернулись в карету, усаженную на деревянные скамейки. Коек тогда не было.

Когда наступила ночь, мы начали дремать, свесив шеи. Иногда мы вставали, чтобы посмотреть в окно. На важных станциях начальник станции громко объявлял название города. В Неаполе на тротуарах стояли "гуальони", продававшие пиццу. Хитро они сначала попросили путников отдать им деньги, потом поезд снова ушел, а они остались с деньгами и пиццей.

Медленно приближаемся к Милану. В поезде на Домодоссолу я испытал те эмоции, которые впервые испытал 5 лет назад: озеро Маджоре, горы Оссола, каменные крыши. На этот раз вместе с моим мужем Джузе. Около полудня мы достигли места назначения.

Мама и папа Джузе Армандо ждали нас. Это была вечеринка: если бы они могли, они бы заставили звонить колокола.

Быстрый обед с мамой Олимпией, а затем отдых в нашем новом гнездышке в районе Мотта. На следующий день я возобновил работу на фабрике, а Джузе вернулся на стройку.

Мои мысли обратились к маме из-за отсутствия поддержки, но мой духовный наставник Дон Бенетти призвал меня молиться, уверяя, что многие люди любят ее. Иногда мы с

Джузе ходили обедать к ней домой, и ей это нравилось. Тем временем одна из моих сестер нашла работу, способствуя новой поддержке семьи.

Вскоре мы объявили маме, маме Олимпии и папе Армандо, что в июле они станут бабушкой и дедушкой.

Я начинала чувствовать дискомфорт во время беременности, но меня звал долг на работе. Тогда рабочие не были защищены так, как сейчас. Джузе удалось найти работу получше, чем на открытой стройке: небольшую фабрику деревянных изделий, таких как пробки для бочек, инструменты для распутывания мотков шерсти и даже "паунги" (деревянные волчки). На пятом месяце мы начали обход магазинов в поисках коляски для будущего новорожденного. Ширина всегда была больше входной двери и нам пришлось решиться на переезд.

Тогда не было никаких агентств, мы ходили спрашивать то здесь, то там. Провидение позволило нам найти квартиру на втором этаже дома на виа Скапаччино, рядом с мастерской скорняка.

В короткие сроки мы организовали переезд. Мы были уже не в центре города, но и недалеко, ближе к моему месту работы.

Ежемесячная арендная плата составляла 8000 лир, много для нашей скудной зарплаты, но квартира была уютной и светлой. Во дворе у нас также могла бы быть пара квадратных метров земли, где можно было бы выращивать ароматные травы и цветы, мою страсть.

Получив ключи мы убрались в комнатах и нарядили окна красивыми шторами с подзорами и кружевными занавесками на кухне. После переезда жизнь пошла своим чередом. Мой животик становился все более заметным. Однажды коллега

спросила меня, когда я буду дома в декретном отпуске, и посоветовала сходить к гинекологу. Так что я назначил встречу в частном порядке. Врач чуть не отругал меня за слишком долгое ожидание: "Вы не можете работать после шестого месяца, а вы уже на седьмом месяце: вы пошли на риск". На следующий день я доставил документ в офис, и клерк тоже сказал, что я наивен.

Тем временем я готовила белье, вязала свитера, рубашки, туфли и подгузники из старых простыней, которые дала мне мама.

Мы также пошли покупать коляску, которую я приготовила из вышитых мною простыней в нейтральных тонах, не зная, мальчик это или девочка. Наконец, вечером 2 июля отошли воды и с уже собранным чемоданом мы пешком отправились в больницу. Гинеколог, который меня осматривал, сказал Джузе, что он может идти домой. Роды только начались и длились около 20 часов. На следующий день она вернулась в родильное отделение, а я все еще ждала ее в родильном зале.

В какой-то момент родился мальчик, и медсестра пошла рассказать об этом отцу ребенка, который чуть не заболел от волнения. Через час он смог обнять нашего первенца, которого назвали Армандо в честь своего дедушки. Через несколько часов были проинформированы также бабушки и дедушки, дяди и двоюродные братья. Казалось, что это был первый ребенок в целом мире.

Глава пятнадцатая - Мы благодарим Бога...

Через несколько часов после родов медсестры в родильном отделении принесли ко мне в постель это существо из плоти и крови. Они прикрепили его к моей груди. Кроме тряпичной куклы, которую Зизи сделала для меня в детстве.

Пребывание в больнице тогда составляло одну неделю. Перед возвращением домой люди ходили в госпитальную церковь для "очищения", благословения священника.

В палате все было готово к отправке домой, но у меня начало кружиться голова. Акушерка померила мне температуру: 39. Нам с куклой пришлось остановиться еще на два дня. Наконец четверг 12 почти зажили мы поехали домой. В воскресенье 15-го числа Армандо был доставлен в новой детской коляске в купель для крещения со своим отцом Джузеппе, своей подругой Мариуччей-крестной и крестным отцом Базилио, другом ораторского искусства. Я не имел радости присутствовать на мероприятии, потому что старейшины суеверно советовали оставаться дома. Я удовлетворился приготовлением небольшого освежения.

Жизнь втроем была другой, но у меня все было хорошо. Молока у меня было много, ребенок рос, и я каждую неделю водила его в детский центр на осмотр.

По истечении двух месяцев, к сожалению, я возобновил работу на фабрике. Детских садов тогда не было. Бабушки согласились присматривать за ним каждую неделю.

Когда я отработала шестичасовую смену перед выходом на работу, Джузе завернул ее и отнес по назначению. Бессознательно этот ребенок страдал, и я плакала вместе с ним.

К сожалению, я не мог бросить свою работу. Медленно, с

верой, мы продолжили путешествие в три конца: первая еда, первые шаги были замечательными вещами. В первый же день в детском саду Джузе наконец нашел более высокооплачиваемую работу. Пару лет был дворником в начальных классах, потом был вызван в ратушу на должность примирительного посыльного.

Так появилось окно, чтобы бросить работу на фабрике и посвятить себя ребенку, ожидая, когда ему подарят младшего брата. 17 августа 1962 года нас обрадовало рождение второго ребенка. Лучано был светлокожим и белокурым, в отличие от Армандо. Сказка. В воскресенье 26 года он крестился вместе со своим отцом Джузе, двоюродным братом Мариуччией и братом крестного отца Джузе Антонио. Опять пришлось остаться дома. После декретного отпуска я ушла с работы, чтобы посвятить себя двум прекрасным детям.

1 октября 1962 года Армандо в синем фартуке и с сумкой на плече пошел в первый класс. Мы доверили это со слезами на глазах учителю Леопарди.

В тот же период мэр Домодоссолы вызвал Джузе и предложил ему разместиться на втором этаже ратуши, который оставался вакантным, когда муниципальный посланник ушел на пенсию. За несколько дней мы организовали переезд. В центре у нас были все удобства. Вечером, затворив великую дверь, мы были правителями города. Мы могли с комфортом наблюдать за демонстрацией с балкона мэрии. Из наших окон мы могли видеть часть рынка с многовековой традицией.

Тем временем Лучано делал свои первые шаги: он стал талисманом городских служащих.

Чтобы пополнить заработок Джузе, я хотел изобрести

работу. Я начал украшать окна, кровати и подушки для друзей. Слухи распространились, и я стала "хозяйкой палаток". Джузе в свободное время научился собирать карнизы и, слава Богу, мы смогли жить более комфортно.

1 октября 1968 года Лучано также пошел в школу с учителем Луизой Черри.

Время пролетело быстро. Летом мы ездили отдыхать по Италии с кемпинговой палаткой. Иногда до Сицилии до моего родного города.

В июле 1973 года мы отдыхали в Валь д'Аосте, и у меня появились первые симптомы беременности. 16 февраля 1974 года к Армандо, которому было почти восемнадцать, и Лучано, которому было двенадцать, приехала младшая сестра Даниэла. Было время карнавала, и люди, которые смотрели на розовую ленточку на двери ратуши, думали, что это шутка. Приходской священник посоветовал нам отпраздновать Крещение в пасхальную ночь, крестная наша подруга Джанна и крестный отец приобретенный дядя Бенито.

Забудьте о суевериях, в этот раз я тоже участвовал в мероприятии в ночь на 13 апреля. На следующий день в молельне было сто гостей на угощение.

Даниэла тоже выросла, и мы уже старые. Наши трое детей подарили нам 7 внуков: Стефано, Вирджинию, Грету, Лоренцо, Ребекку, Летицию и Маттео.

История заканчивается. 19 сентября 2015 года мы с Джузе отпраздновали 60-летие совместной жизни.

Мы благодарим Бога, Богородицу и всех тех, кто любил нас.

Мацца Кончетта Мальо родилась в Новара-ди-Сицилия 18 апреля 1936 года.

Индекс